
ВЛАСТЬ ИЛИ УПРАВЛЕНИЕ? 6. ВМЕСТО ЗАКЛЮЧЕНИЯ. ЧЕГО МЫ ХОТИМ ОТ ВЛАСТИ И ЧТО ДОЛЖНЫ ДЕЛАТЬ САМИ, ЧТОБЫ РЕАЛИЗОВАТЬ СВОИ ПОЖЕЛАНИЯ?

М.В. Рац
Независимый исследователь (Израиль)
С.И. Котельников
Независимый исследователь (Россия)
Б.Г. Слепцов
Независимый исследователь (Германия)

Аннотация: *Статья завершает серию публикаций авторов в 2014–2017 гг. Рассматривается ряд вопросов методологии социальных преобразований, прежде всего в связи с проблемой выхода России из «колеи» сменяющих друг друга реформ и контрреформ. Обсуждаются особенности работы с общественными идеалами в отличие от непосредственно реализуемых социальных проектов. Вводится представление об идеале развития и рассматриваются его важнейшие аспекты. Предлагаются рамки развития и права как необходимые регулятивы для формирования идеологии и политики.*

Ключевые слова: *методология, социальные преобразования, Россия, идеалы, развитие, право, идеология, политика.*

В России за десять лет меняется всё, а за двести лет ничего не меняется.

Петр Столыпин

Если ты хочешь построить корабль, не надо созывать людей, планировать, делить работу, доставать инструменты. Надо заразить людей стремлением к бесконечному морю. Тогда они сами построят корабль.

Антуан де Сент-Экзюпери

6.1. Подводя итоги

Завершается публикация серии наших статей под общим заглавием «Власть или управление?». В 2014 г. мы начинали свою работу с обсуждения нескольких проблем современно-

го мира, но в дальнейшем сосредоточились на одной, наиболее актуальной для нас и наших читателей. Это проблема выхода России из знаменитой «колеи» (Path Dependence) реформ и контрреформ, модернизации и застоя, которая с полным основанием квалифицируется именно как проблема, поскольку не поддается решению уже триста лет.

Мы опасаемся, что в перспективе неизбежная очередная модернизация имеет все шансы кончиться очередным застоём. А потому полагаем, что пользуясь стабильностью текущей ситуации, **следует дополнить вектор усилий мыслящих людей, направляемых на планы модернизации, вектором, нацеленным на подготовку выхода из колеи, смены способа движения. Но это совсем другая ориентация и другой предмет мысли.** Это означает не просто сменить временные масштабы обсуждаемых перспектив, а, как говорил Г.П. Щедровицкий, вывалиться из того пространства времени, в котором мы жили как люди, и оказаться в потоке исторического времени. А история свидетельствует, что ни реформы, ни революции здесь не помогают: все возвращается на круги своя.

Революции вообще последнее дело, но у нас ведь и реформы делаются по сию пору как «революции сверху». И в голову приходит крамольная идея, что начинать надо не с классического русского вопроса «Что делать?», а с вопроса «Как мыслить?» Деятельность должна выращиваться в коллективном мышлении и коммуникации. Мы считаем, что здесь и зарыта собака: отсюда концепция мыследеятельности Г.П. Щедровицкого, за которой стоит знаменитый тезис Маркса об архитекторе и пчеле и — как бы поверх него — старая идея «левого сдвига», переноса центра тяжести работы на подготовку и проработку предстоящих действий¹. Руководствуясь этой идеей, *мы предлагаем не программу действий, а повестку дня* (общественно-политических дискуссий).

А что это значит? Это ключевой вопрос для понимания всего последующего, да и для всей проделанной работы. Логика такова: в нашей (деятельностной) картине мира политика (Policy) требует идеалов, без которых она (но уже как Politics) превращается в господствующее пока политиканство. Сперва — идеалы, потом политика. Мы обсуждаем *понятие* идеала и предлагаем свою версию способов работы с идеалами — в отличие от проектов — вообще, а затем вводим представление о *своих* идеалах, специфике работы с ними и возможном типе политики для движения к ним. Поскольку для нас политика — открытая конкуренция идеалов и картин будущего, соглашаться со сказанным совершенно не обязательно. Можно работать в иных картинах мира, пользоваться другой логикой, руководствоваться другими идеалами и т. д. Все это, с нашей точки зрения, и подлежит *обсуждению* в рамках текущей повестки дня общественно-политических дискуссий, таково наше дополнение к ней. (Это шаг в направлении упомянутого левого сдвига, который касается далеко не только российской колеи, на которой мы сфокусировались.) Ни о каких социально-политических *действиях* речи нет: **мы занимаемся не политикой, а философией и методологией политики.**

Поэтому первостепенный интерес представляют для нас отношения с читателями — потенциальными единомышленниками и сторонниками других взглядов. По отношению к читателям на сегодняшний день у нас две цели. Первая: мы хотим увидеть своих последователей и потенциальных соавторов. Работы на всех хватит. Не менее (а может быть, и более) важна вторая, относящаяся скорее к читателям инакомыслящим. От них мы ждем критики, служащей топливом для работы, которая продолжается. И мы хотим даже в данной, отдельно взятой публикации дать пищу для такой критики, а заодно, если повезет, разбудить и интерес

¹ Напомним: «...Самый плохой архитектор от наилучшей пчелы с самого начала отличается тем, что, прежде чем строить ячейку из воска, он уже построил ее в своей голове». Мыследеятельность трактуется как деятельность, обеспечиваемая мышлением: «...Деятельность и действие могут и должны существовать только вместе с мышлением и коммуникацией. Отсюда и само выражение „мыследеятельность“ ... должно заменить и вытеснить выражение „деятельность“» [Щедровицкий 1995: 297–298]. В ожидании этого вытеснения (не факт, что оно произойдет: у языка свои законы) мы — авторы — ради простоты и краткости говорим о деятельности, имея в виду мыследеятельность, за исключением тех случаев, когда важно разделение мышления и деятельности и когда важно отличать полную мыследеятельность от ее разнообразных редуцированных форм.

читателя к работе в целом. При всех обстоятельствах мы предъявляем к самим себе требование парресии [Фуко 2011] — предельной интеллектуальной честности.

6.1.1. Контекст нашей работы. Оглядываясь на пройденный нами путь и проделанную работу, мы видим дефицит их контекстуального осмысления. Если фокусироваться на российской колее, то сам факт многовекового пребывания в ней свидетельствует о дефиците общественно значимой рефлексии и мышления. Движение в колее, по заданной траектории оестествляется и в некотором смысле становится равносильным состоянию покоя. «Просто так», как говорится, на ровном месте сменить такой способ движения страны в будущее — пустая затея. Надорвемся и ничего не сделаем.

Прорабатывая замысел выхода из колеи, смены способа движения в надежде на вовлечение новых участников, нам нужно найти те долговременные (исторические) процессы, которые текут независимо от нас и «оседлав» которые мы рассчитываем продвинуться в будущее. Вообще говоря, это проще сказать, чем сделать: процессов таких с разной шириной полосы захвата (местными, региональными, глобальными) и разными временными масштабами (поколенческими, вековыми, тысячелетними) можно выделить много. Но мы, опираясь на свое видение истории, выше неявно сделали такой выбор, указав на идею «левого сдвига», переноса центра тяжести работы с осуществления на подготовку и проработку предстоящих действий.

Здесь нужно вспомнить про то, что мы писали [2016а: 38–45]² о Новоевропейском повороте, или «втором осевом времени» (XVI–XVII вв.), которое знаменовалось развитием рефлексии и переориентацией мышления на обеспечение деятельности. Тогда в Европе интенсифицировались процессы (точнее, полипроцессы) *интеллектуализации и диверсификации деятельности*³. Уже в XX веке на фоне бурного развития прожективного мышления процесс интеллектуализации, с нашей точки зрения, нашел оформление в концепциях мыследеятельности и организационно-управленческой деятельности [Щедровицкий 1987, 2000, 2003]. В последние годы в работах П. Щедровицкого [Щедровицкий 2018 и др.] наметился рубеж в обсуждении фундаментальной идеи разделения труда. Подводятся итоги и переосмысливается почти трехвековая история этой идеи, приобретающей онтологический статус и предполагающей дальнейшую артификацию сложного комплекса связанных с нею процессов деятельности.

Мы, таким образом, работаем в рамках процесса интеллектуализации, а конкретно — в традиции Московского методологического кружка (ММК), к выходцам из которого себя причисляем. И делаем при этом упор на процессуальной стороне мыследеятельности — развитии и тесно связанной с ним тенденции левого сдвига. В этом ракурсе за российской колеей начинает просматриваться гораздо более масштабная, в сущности, глобальная *интеллектуальная колея*, восходящая к тому же Новоевропейскому повороту. Она связана с такой его мощной ветвью (или даже основным стволом?) как естественная наука и с таким фундаментальным понятием как Природа, противостоящая Человеку в качестве основного объекта приложения его познавательных, а затем и преобразовательных усилий. На этом пути были достигнуты грандиозные успехи в хозяйственной деятельности человека, которые закрепили и расширили сферу применения складывавшегося в итоге естественно-научного и, шире, натуралистического подхода. Ближайшие к нему формы осмысления этого феномена получили известность как господство «инструментального» (Хоркхаймер) или вычисляющего (Хайдеггер) разума, «научная идеология» (Хабермас).

² Как и прежде, вынужденные частые ссылки на свои ранее опубликованные статьи этой серии мы для краткости даем в форме указания на год публикации, опуская имена авторов. Например, ссылки на нашу статью об истории, публиковавшуюся с продолжением в двух номерах «ПК», вместо [Рац, Котельников, Слепцов 2016-а (или -б)] будут выглядеть так: [2016-а (или -б)].

³ В частности, совсем недавно был выделен важнейший момент этой истории: автономизация конструктивного мышления, оформляющего свои результаты в схемах [Воловик, Щедровицкий 2018].

Здесь важно иметь в виду, что эти и иные формы осмысления используются применительно к двум принципиально разным областям мышления и деятельности, которые мы вслед за Г. Щедровицким квалифицируем как деятельность с косным материалом (природы) и «деятельность над деятельностью». Это различие становится более понятным, если соотнести его с античной традицией противопоставления архаичного ойкоса, мира хозяйственной деятельности, и полиса — нового (для древних греков) политического мира. В первом должен быть хозяин и господствует принуждение, во втором общие дела улаживаются посредством слов, убеждения. Согласно Х. Арендт [Арендт 2000: 42], «удовлетворение жизненных нужд внутри домашнего хозяйства создает условия для свободы в полисе».

Возвращаясь к нашему времени, нарочито упрощая и огрубляя положение дел, можно сказать, что природа, пусть и с переменным успехом, «покорена». В этом контексте отправной точкой нашей работы явилась шедшая параллельно *экспансия «научной идеологии»*. Она вышла за границы хозяйственной деятельности человека в мир человеческого общежития. Естественное в рамках такой идеологии отношение к общественным преобразованиям как к «покорению природы» наложилось на многовековую традицию властного правления. Основой общественных отношений остались отношения господства-подчинения, когда подчиненные рассматриваются «начальниками» как косный материал, который тоже надо «покорять». Что и характерно для России: ныне как наши власти, так и «несистемная оппозиция» равным образом остаются в рамках инструментального разума, надо признать, мало отличаясь в этом отношении от подавляющего большинства действующих политиков других стран.

В таком контексте российская колея приобретает как бы двойное существование. С одной стороны, она закрепляется в форме «русской системы» (Ю.С. Пивоваров) сакрализованной власти, с другой — находит выражение в господствующей ментальности, лишаящей массового человека автономии, личностного начала, субъектности. В результате возникает «популярная — население, лишённое субъектной энергии» (Пивоваров), а Ю. Рост [Рост 2014] различает народ и население. «Народ защищает то, что у него есть: самостоятельность, достоинство, язык, национальную культуру и самобытность, способность учиться у соседей, терпеть их. Население защищает то, чего у него нет: исключительность, национальное превосходство, патриотизм, свободу от ограничений».

6.1.2. Краткое содержание предыдущих серий. В целом мы представили итоги своей работы на обсуждение в прошлом году [2017]. Сейчас же попытаемся предельно сжато изложить квинтэссенцию сделанного и, отталкиваясь от нее, обсудим важнейшие понятия и представления, необходимые для работы с будущим.

Собственно, вся наша работа есть попытка выбраться из означенной интеллектуальной колеи. В ее (колеи) рамках все усилия направляются на смену (модернизацию, реформирование) *сложившихся форм* организации общежития. Но деятельностный подход открывает другие возможности: мы можем на время оставить в стороне формы, на которых центрировалось внимание классиков общественно-политической мысли. Пока что последуем за А. Сент-Экзюпери (см. эпиграф) и Й. Шапиро [Шапиро 2012: 33], избегающим конструирования «правильной» модели общества в надежде на человеческую энергию и изобретательность. **Государство и право, общество, социальные институты и даже люди — всё это для нас вторичные организovanности мышления и деятельности. Но тогда именно на мышлении и деятельности мы должны сосредоточить внимание с тем, чтобы в дальнейшем проследить, как они порождают названные организovanности (или «превращаются» в них) и каковы наши возможности повлиять на эти процессы.** Таким образом, наша логика в этом отношении диаметрально противоположна традиционной и пока доминирующей.

Это и есть наша версия той смены направления усилий, о которой мы говорили в начале: с вектора на способ движения. Мы вынуждены сделать здесь две оговорки. Первая — во избежание недоразумений: мы не предлагаем *заменить* традиционную логику (и соответственно повестку дня), а предлагаем желающим *дополнить* ее, опробовать другие возможно-

сти, которые здесь обсуждаются. Вторая — по содержанию: понятно, что квалификация человека как вторичной организованности мышления и деятельности для свежего читателя звучит, мягко говоря, неожиданно. Но вопрос очень непростой, не повторять же здесь соображения по этому поводу, опубликованные в наших прежних статьях [2014: 168–170, 2016-а: 42–44]. Ограничимся указанием на то, что мы имеем в виду автономную личность (в кантовском понимании), субъекта, и напомним выразительную формулу Г.П. Щедровицкого по этому поводу: рождается не человек, а возможность стать человеком.

В рамках предлагаемой логики у нас сформировалось убеждение, что российская колея является следствием особой формы правления, ограничивающей и затрудняющей предпринимательскую (в самом широком смысле) инициативу граждан. (Это, как мы понимаем, то, что Д. Норт и др. [Норт и др. 2011] называют «порядком ограниченного доступа».) И мы можем сформулировать самую общую (и совершенно не оригинальную) гражданскую установку, с которой и выступаем: **мы хотим свести к минимуму (неизбежные) отношения господства-подчинения** между людьми. Иными словами, мы хотели бы жить в обществе, где перемены в жизни граждан не осуществляются «без спросу», без участия самих граждан, и граждане имеют максимальную свободу для предпринимательских инициатив. **Наш идеал — соучастие граждан в принятии любых затрагивающих их интересы решений.** Как говорят искушенные политические мыслители, это равносильно сведению к минимуму отношений господства-подчинения между людьми. Такая установка характерна, в особенности, для традиции республиканизма.

Мы оказываемся тем самым в сфере обсуждения *проблем власти и государственного управления* — как обычно маркируют подобный круг вопросов. И здесь означенная выше логика приводит нас к нетривиальным результатам. Но обсуждая и продвигая их, не следует забывать, что после всего этого нас ждет переход от идеальных мыслительных конструкций к реальности, представляющий собой известную проблему «восхождения от абстрактного к конкретному». От позиций к людям, от систем правления к государствам и правительствам, от организационных идей к конституциям и т. д. Особенно важно здесь различие между *людьми*, об отношениях между которыми мы говорили выше, *местами* и *позициями*. На тех или иных местах в социальных структурах (должностях) люди оказываются, как говорится, «по жизни», а вот позиции они занимают в результате самоопределения, осуществляя соответствующий данной позиции тип деятельности. Именно *позиции*, в которых выражается кантовская автономия личности, фигурируют в наших идеальных представлениях и методологических схемах. А конечной целью является ликвидация (точнее, сведение к минимуму) отношений господства-подчинения между *людьми*.

Итак, мы занимаемся, как сказали бы строители, нулевым циклом: роем котлован и закладываем фундамент будущего здания. Пока что в проделанной работе можно выделить два-три смысловых узла.

(1) Управление против власти. Это фундаментальное различие и противопоставление, носящее онтологический характер. Исходно мы имеем в виду *правление* как отношение, обеспечивающее реализацию замыслов одних людей с привлечением других. Делается это, скажем на первый раз, посредством передачи некоей «информации» (от онтологических картин до прямых указаний — в зависимости от ситуации) от тех, кто правит, тем, кем правят. И тут важно, что и как именно передается, каким образом и в каких условиях. Правящие привлекают других (1) как соучастников общего дела в случае *управления*, либо (2) как исполнителей чужих замыслов в ситуации *властвования*. Вспоминая И. Канта, можно сказать: (1) *при участии*, либо (2) *посредством* других людей. Таким образом, выделяются два полярных идеальных типа (в веберовском смысле) правления, отвечающие двум основным способам его осуществления — «убеждению» и «принуждению»⁴.

⁴ Для понимания этого различия полезно вспомнить еще Г. Спенсера с его «воинствующей» и «промышленной» (мирной) организацией.

Власти как *социальному* отношению (между людьми в обществе) противопоставляется управление — отношение между *деятельностными позициями*, которые люди занимают не в силу их социального статуса, а в соответствии с типом осуществляемой ими целенаправленной деятельности. Власть — в только что введённом [подробнее см.: 2015] понимании — предполагает устойчивое разделение общества на властвующих и подвластных, имеющих различные интересы. Поскольку речь идет о социально неравносильных подсистемах, здесь и возникают отношения господства-подчинения. В противоположность власти управление в идеале предполагает динамичность и ситуативность деления общества на управленцев и управляемых. При этом отношения господства-подчинения оказываются попросту невозможными.

Они невозможны, потому что вместо передачи «информации» сверху вниз здесь идет равноправная коммуникация, и управляет тот ее участник, которому удается осуществить знаниево-рефлексивный охват управляемой системы [Щедровицкий 2000, 2003]. Управление опирается на мышление и рефлексию как самих «управляющих», так и «управляемых», что обеспечивает активное, творческое участие представителей всех заинтересованных позиций (а по сути дела — *самоуправление*). Эта идея является для нас идеалом правления — выражением *должного*. Властное же правление, если его рассматривать сквозь призму этого идеала, следует уподобить «деятельности с косным материалом», в качестве какового выступают лишаемые субъектности «подвластные».

Принципиально также понимание власти и управления именно как *идеальных типов* или, как говорил Щедровицкий, «поляризующих абстракций». В практике, в т.ч. «государственного управления», эти способы правления «в чистом виде» не встречаются. Мы всегда имеем дело с теми или иными *системами правления*, «политическими режимами», которые теперь, после выделения идеальных типов, могут трактоваться как те или иные сочетания этих типов. Недаром говорят об «органах власти и управления». Для бытующих форм правления с доминантой властных отношений мы предложили даже специальный неологизм: *управласть*.

Исторически мы считаем идею различения власти и управления первым шагом возможного следующего этапа демократизации правления после разделения властей [подробнее об этом см.: 2017: 84–87]. На перспективу, переходя от типов к системам правления, мы видим два основных вопроса. Первый: будут ли властвование и управление складываться в различные системы правления естественноисторически (как это происходит по сию пору), либо (как мы предлагаем) станут результатом нашей рефлексии и организационно-проектного мышления? Второй: какой из способов правления должен — с точки зрения движения к нашему идеалу — доминировать в системе правления, а какой — выполнять в этой системе вспомогательные функции?

(II) Идеал деятельности над деятельностью против управласти. Исторический опыт говорит о том, что властный способ правления доминировал и доминирует до сегодняшнего дня едва ли не во всех известных системах правления. Управленческие воздействия играли и играют в них лишь второстепенную, подчинённую роль.

Конечно, множество систем «управласти» неоднородно. При этом историческая тенденция, особенно в Новое и Новейшее время, состоит в постепенном вытеснении отношений господства-подчинения, что особенно заметно в т.н. развитых странах. Но мы видим и противоречивость этого процесса, — особенно имея за плечами опыт катастроф XX века. И особенно в таких странах, как Россия или Турция, которым, несмотря на все усилия интеллектуалов и государственных деятелей на протяжении Нового времени и до сего дня, не удается выбраться из пресловутой «колеи». Именно поэтому мы полагаем необходимой *артификацию* упомянутой только что тенденции.

В основу своей работы в этом направлении мы положили идею Г.П. Щедровицкого [Щедровицкий 2000] о «деятельности над деятельностью» как обобщении организационно-

управленческой деятельности (ОРУ). Такое обобщение необходимо, поскольку отношения рефлексивного охвата и поглощения/ассимиляции встречаются во взаимодействии систем деятельности много чаще, чем ОРУ. В частности, таковыми оказываются все взаимодействия, обеспечивающие проработку и реализацию преобразовательных замыслов на протяжении их жизненного цикла: от порождения неудовлетворенцами до претворения в жизнь (либо отказа от них). Учитывая эти обстоятельства, мы и сконструировали схему со-организации важнейших типов мыследеятельности, необходимых для осуществления преобразований⁵.

Диверсификацию деятельности над деятельностью и оформляющую ее «схему лестницы» мы рассматриваем как прямую альтернативу управласти, а также как второй шаг (вслед за различением власти и управления) на пути демократизации систем правления после разделения властей. т. е. речь идет о своего рода репликации противостояния идеальных типов власти и управления на уровне систем правления. Схема может интерпретироваться как онтологическая и организационно-деятельностная, и мы приписываем ей две разные функции. Это функции идеальной картины правления и средства (организации и проведения) преобразований.

(II-а) Организационно-деятельностная интерпретация. В такой интерпретации схема представляет *методологию социальных преобразований*. т. е. отвечает на вопрос о том, как должны организовываться и проводиться такие преобразования. Конкретнее, что и как должны делать реформаторы в разных деятельностных позициях, вооружаясь присущими каждой позиции методами и средствами и отталкиваясь от неудовлетворительного положения дел. В основе схемы лежит строгая функционализация упомянутых позиций: ответственного за перемены управления, обеспечивающей стабильность общественно-политической системы власти/нормоконтроля, балансирующих эти составляющие политики и поддерживающей целостность системы методологии.

Методологическая схема может выступать как своего рода средство передвижения в пространстве мысли. Неудовлетворенец, «реформатор» как бы входит в схему и действует далее сообразно ситуации и занимаемой им далее позиции: методолога, политика, управленца или чиновника. (Работа чиновника — нормоконтроль, или институциональный контроль — трактуется нами как особый тип мыследеятельности, имеющий проблемную установку и входящий в схему лестницы на общих основаниях.) Нормоконтроль и проблематизация инициатив на входе оставляет мало шансов на проработку пустых затей. Зато перспективные замыслы попадают в «машинку», обеспечивающую их реализацию и авторский надзор за ее ходом.

Особенность нашей (авторов) позиции состоит в том, что построив схему лестницы, мы используем ее в своей собственной работе: входим в нее и работаем как прикладные методологи, на данном этапе озабоченные проработкой, а в конечном счете — продвижением своего проекта в политику. По замыслу наше предприятие чрезвычайно масштабно, и, если дело пойдет на лад, оно потребует участия большого количества людей. Хотим мы этого или нет, тогда выделится группа, организующая и направляющая работу коллектива. Согласно нашему замыслу работа этой группы будет идти по той же схеме, которую мы представляем теперь как идеальную для процесса преобразований.

(II-б) Онтологическая интерпретация. Так или иначе, представление о системах правления задает прочтение схемы, которую можно представить теперь как идеал для системы правления (российского) государства далекого будущего. Идеалом для нас, согласно сказанному ранее, является такая система правления, в которой отношения господства-подчинения сведены к минимуму и строго функционализированы. Определение этого минимального уровня и этих функций безусловно должно стать предметом тщательной проработки, но вна-

⁵ Первая редакция в [2014], последняя — в [2017: 80]. Советуем заинтересованному читателю, как минимум, посмотреть на нее, а лучше прочесть и сопровождающие ее пояснения.

чале идеальный статус должен быть закреплён как принцип. Принцип состоит в том, что **активное начало в паре управление — власть/нормоконтроль принадлежит управленческой деятельности (ОРУ). Власть пассивна (лишена права менять что-либо в жизни подвластных законопослушных граждан) и ответственна только за соблюдение действующего законодательства.**

Управление ответственно за осуществление необходимых в обществе перемен и ориентирована для этого на вскрытие *проблем* жизни общества. (Желательно на стадии их вызревания.) Основным средством управленческой мыследеятельности должно стать *программирование*, включающее анализ ситуаций, проблематизацию, перевод проблем в задачи и пр. (о нем поговорим в п. 6.2.2). Предусматривается вовлечение в эту работу всех заинтересованных общественных позиций. Функции властных (принудительных) отношений ограничиваются обеспечением стабильности общества посредством десубъективированной «власти закона». Вопрос о границе, разделяющей зоны ответственности управления и власти — самый актуальный, но требует специальной проработки с участием юристов.

Здесь еще важно подчеркнуть, в чем именно состоит отличие деятельности разных типов и соответственно «ступенек» нашей лестницы от классических ветвей власти. Последние представлены разными учреждениями (парламентом, правительством, судом), где работают разные люди. Деятельности же, составляющие идеальную для нас систему правления, напротив, различаются своими функциями, нормами и средствами работы, но они могут «жить» на одних и тех же людях и в одних и тех же учреждениях [подробнее об этом см.: 2017: 84–87]. В известной мере дело так обстоит и сейчас, но разделение функций власти и управления требует специальной проработки и артикуляции этого момента при переходе от схемы, выражающей *принцип* организации системы правления, в социальную и учрежденческую действительность.

Возвращаясь теперь к процессуальной интерпретации схемы, подчеркнем, что система общественно-политических преобразований рассматривается как процессуальный *pendent* идеала системы правления. Её (схемы) разворачивание в «длящемся настоящем» означало бы, что *сами преобразования уже сегодня осуществляются методами и средствами из «идеального будущего»*. Что, среди прочего, в корне отличает наш замысел от строительства коммунизма посредством диктатуры пролетариата, как, впрочем, и от любых иных известных нам утопий. Как свидетельствует исторический опыт, средства могут до неузнаваемости изменить цель. Поэтому **разработка необходимых средств (в мысли) должна предшествовать социальным преобразованиям (в деятельности), для использования в которых эти средства предназначаются.** (Мы именно так и работаем не потому, что руки коротки что-то менять в обществе, — что само по себе бесспорно, — а по принципу.) Расхожая аналогия с обучением плаванию здесь не годится.

В контексте нашего замысла в целом схема лестницы в ее организационно-деятельностном прочтении выступает как проект, прорабатываемый и реализуемый непосредственно в нашей работе (как «средство движения»). Как будущая схема правления она пока оказывается для нас идеалом, достижение которого весьма проблематично.

Все эти соображения, однако, не имеют прямого отношения к вопросам структуры органов «власти и управления», привычным для специалистов по государственному управлению, а тем более практиков. Еще раз подчеркнем различие между позициями, которые человек занимает по ситуации сообразно осуществляемой в данный момент деятельности, и служебными (функциональными) местами, зафиксированными в штатном расписании. В проработке темы правления мы еще не подошли даже к уровню прямой коммуникации с «начальством», и это надо иметь в виду, оценивая масштабы и ориентацию продолжения нашего дела.

6.1.3. Несколько слов о нашей работе. Для нас важна норма работы, принятая в ММК: регулярный рефлексивный анализ, включающий как критическую переоценку сделан-

ного, так и взгляд в будущее. Данная глава отвечает этому жанру конструктивной рефлексии. На протяжении последних пяти лет, начиная с 2013–14 гг., мы вынашивали и прорабатывали свой замысел социальных преобразований, доведя его в прошлом году до состояния *концепции*. Ее очень краткое содержание мы изложили выше, но, имея в виду продолжение работы, полезно пояснить (а заодно и прояснить для себя) несколько важных вещей вослед написанному.

В целом нашу работу по содержанию можно отнести к методологии или «философии социальных преобразований» [Федоров 2006], затрагивающей целый ряд болезненных процессов и явлений современного мира. Мы считаем работу в этом направлении, особенно в ее методологической ипостаси, в высшей степени ответственной в смысле ответственности за будущее [Йонас 2004], которое нас интересует прежде всего. (Отсюда и требование опережающей разработки средств мышления и деятельности, по контрасту напоминающее о советской догме опережающего развития средств производства.)

Наша работа строится по известной коллегам методологам схеме шага развития [2016а: 29], по которой, кстати, осознавая это или нет, работают все предприниматели и не только они. Мы выстраиваем в мысли тот шаг в будущее, который хотим сделать в реальности, чтобы изменить не удовлетворяющее нас положение дел. А именно:

(1) прорисовываем для себя два противостоящих представления: желаемую и наличную картины (в нашем случае — политической системы);

(2) намечаем собственную позицию, в которой намерены способствовать переходу из одной в другую; и

(3) оснащаем ее недостающими средствами.

По ходу работы можно было бы — следуя «модному» подходу к делу — переходить к политическим действиям, встраиваться в существующую политическую систему и т. д. Но это не входит в наши планы. Мы занимаемся разработкой средств общественно-политических преобразований и изменять своей методологической позиции не будем.

Тем не менее, наша позиция — из числа тех, которые в советские времена именовали «активной жизненной позицией». Мы не считаем себя идиотами в древнегреческом значении слова (как известно, в античной Греции идиотами называли людей, которые, будучи гражданами и имея соответствующие права, не пользовались ими). Более того, мы уже говорили, что, с нашей точки зрения, гражданин ответственен за жизнь своей страны, и только его личной мощью, не считая случайного стечения обстоятельств, определяется радиус его влияния.

И здесь, наверно, пора ответить на вопрос, вынесенный в подзаголовок этой статьи. Наш основной практический вывод из проделанной работы и, соответственно, основа намечаемой нами перспективы состоит в том, что **ответственность за общественное развитие должны взять на себя мы сами — граждане России**. Именно эту инициативу призвана подготовить наша работа. Однако и стабильность общества представляет для нас неоспоримую самостоятельную ценность. Так вот, мы ожидаем, что **ответственность за сохранение стабильности при осуществлении необходимых преобразований останется за «властями предержащими»** — но уже не как гражданами (каковыми, несомненно, должны быть и представители органов власти), а в силу их служебного положения.

Теперь мы должны хотя бы коротко прокомментировать вопрос о различных ценностных ориентациях деятельности, ориентированной на будущее. Кажется, этот вопрос как-то выпал из текущей повестки дня не только «органов власти и управления», но и общественно-политического дискурса вообще. Складывается впечатление, что по умолчанию государство озабочено едва ли не исключительно своей безопасностью и поддержанием стабильности. Заботы, бесспорно, необходимые, но, с нашей точки зрения, заведомо и принципиально недостаточные. В конце нулевых годов обсуждался еще вопрос о модернизации, но и этого недостаточно: **мы говорим о развитии и утверждаем, что без этого ни стабильность, ни безопасность в длительной перспективе обеспечены быть не могут.**

Все это разные ориентации, и, хотя они взаимно дополнительные, важно учитывать специфику каждой из них и ранжировать сообразно меняющейся культурно-исторической ситуации. Это именно то, чего у нас не делается, и государственная политика по этой причине приобретает чисто ситуативный характер. Наша работа неслучайно ориентирована на развитие: мы полагаем, что в нем должны сочетаться и со-организовываться все другие процессы. Эту тему мы обсудим специально в п. 6.3, сейчас же пропедевтически сопоставим в двух словах модернизацию и развитие.

Мы говорим о них как о двух противоположных способах и путях движения страны в будущее. (Догоняющая) модернизация⁶ — это хорошо известный нам способ движения и социальных преобразований, ориентированный на известные, т. е. признанные таковыми, образцы современности. Реформы Петра I, Екатерины, Александра II, вынужденные революцией 1905 г. преобразования Николая II, в некотором смысле и сталинская индустриализация — характерные примеры такого рода, неслучайно чередующиеся с эпохами застоя. В итоге и получается та самая колея, о которой мы говорили в начале и выход из которой пока не просматривается. Она может тянуться до бесконечности, и есть все основания считать, что мы имеем дело с проблемой, способ решения которой (в отличие от задачи) никому неведом. Можно сколько угодно рассуждать о независимых судах, совершенствовании институтов и правовом государстве, но это пока ничего не дало.

Собственно, вопрос о том, что и как делать в этой ситуации, мы и обсуждаем. Самый общий теоретический ответ в нашей системе представлений известен. Надо на время оставить в стороне прямой вопрос и заняться совершенно другим — «знанием о незнании»: каких методов, средств, знаний нам не хватает для решения первого вопроса? Наша версия ответа на этот, второй вопрос начинается с того, что в общественно-политических дискуссиях на эту тему нет главного: *предмета мысли, категориального определения пути, альтернативного модернизации*, которая, как свидетельствует история, выхода из колеи не сулит. В качестве такого предмета мысли мы и рассматриваем развитие.

У идеи развития сложная и недостаточно проработанная история. Колебания от гегелевского развития мирового духа до естественнонаучных интерпретаций привели к тому, что слово «развитие» потеряло собственное значение и сейчас используется как термин свободного пользования. Сама же идея, во всяком случае, в СССР/России, систематически прорабатывалась едва ли не только в Московском методологическом кружке, традиции которого мы стараемся придерживаться. В отличие от господствующих натуралистических представлений (развитие как необратимые изменения предметов во времени и т. п.) мы говорим о развитии применительно к человеку и обществу как о движении вперед *при отсутствии образцов*. (И это лишь одно из наших «наводящих» соображений: развитие для нас — одна из сложнейших философских категорий, с которой мы разбираемся постепенно, по ходу работы.)

Для начала напомним известные метафоры. А.Д. Сахаров уподобил движение Америки и СССР бегу двух лыжников, один из которых прокладывает лыжню по рыхлому снегу, а второй догоняет первого. В нашем случае первый иллюстрирует идею развития, второй — модернизации. Аналогичным образом можно интерпретировать суждение крупнейшего американского историка русской науки Л. Грэхэма, получившее известность благодаря использованной позднее метафоре о желании российских властей получить «молоко без коровы». «Лидеры России, от Петра Великого до современности, повторяют ту же самую ошибку. Они думают, что самое важное — заполучить технологии. Но это не самое важное. Самое важное — создать общество, в котором технологии могут развиваться» [цит. по: Ваганов 2011].

Мы вернемся к этой важнейшей для нас теме в п. 6.3, а пока скажем авансом, что для нас определяющую роль в понимании развития играет тезис, гласящий, что развиваться мо-

⁶ Мы уже писали о двух разных значениях слова «модернизация». Они не всегда различаются даже в научных текстах. Мы говорим здесь о так называемой «догоняющей» модернизации в отличие от становления современного общества «вообще», за которым не просматривается никакого предмета мысли.

жет только особая связка мышления и деятельности. (Она и получила название мыследеятельности.) Причем верно и обратное: такая связка не может выстраиваться и существовать иначе, как в развитии. Все остальное — от ребенка до страны, от науки до животноводства развивается — уже в общепринятом употреблении этого слова — только по сопричастности к мышлению и деятельности.

Применительно к России наряду с парой *модернизация — развитие* следовало бы рассмотреть и другую: *обеспечение безопасности — развитие*. Она не менее содержательна, чем рассматриваемая нами, а в нынешней ситуации к тому же более актуальна. Мы уже говорили, что власти предрасположены преимущественно озабочены грозящими, якобы, стране внешними опасностями. Поскольку, однако, мы не обсуждали этот сюжет в завершаемом цикле статей, оставим его на будущее, но заметим, что уже обращались к нему ранее [Рац и др. 1994, 1995]⁷.

В заключение для возможных новых читателей еще раз подчеркнем, что **как намечаемые нами идеалы, так и возможные действия, нацеленные на движение в их сторону, мы понимаем только и исключительно как одно из возможных направлений политической (и не только) мысли, развитие и реализация которой видятся в конкуренции с другими**. Здесь ключевые слова — направления мысли и конкуренция (без которой нет политики). Вполне возможно, что наши нынешние соображения не выдержат конкуренции, и их придется сильно менять. Тем не менее, мы будем считать свою задачу выполненной, если нам удастся сменить *повестку дня* текущих общественно-политических дискуссий или, скажем точнее, — дополнить ее.

6.2. Мы и наше будущее

6.2.1. Методология и утопия (ответ критикам). Наряду с постоянным обсуждением текущей работы на методологическом семинаре среди коллег мы сталкиваемся с критикой извне — со стороны представителей иных интеллектуальных школ. При всей условности такого деления внешняя критика адресуется, естественно, не только нам троим в связи с нашей работой, но и традиции ММК в целом или по частям. Она выражает то понимание мировоззрения и деятельности методологического сообщества и то отношение к нему, которое начало складываться еще в советское время. В те времена, правда, это отношение выражалось преимущественно в замалчивании, но в последние годы стало открытым.

Разумеется, как позиции наших коллег, так и внешних критиков достаточно разнообразны. Мы сосредоточим внимание на важнейшей, с нашей точки зрения, линии критики, которая отвечает мейнстриму социально-философской мысли и одновременно относится к методологии нашей конкретной работы. Но самое главное то, что она неявно выражает общественное мнение, скорее даже здравый смысл наших современников. (Последний же, согласно Х. Арендт [Арендт 2014: 13], «есть не что иное, как наш ментальный орган, предназначенный воспринимать и понимать реальность и фактичность и взаимодействовать с ними».) Пожалуй, самое выпуклое выражение эта линия находит в более или менее явном идентификации СМД-подхода и методологии в версии ММК с социальным утопизмом и утопическим мышлением вообще.

И нам, и нашим коллегам инкриминируется отрыв от реальности, пренебрежение историческим опытом и проблемами реализации наших замыслов, «инженерная установка» в отношении к социальным преобразованиям. Особенно выразительны в этом плане суждения В. Куренного и И. Кукулина, опубликованные на портале «Полит.ру» [Школа Щедровицкого... 2017]. В. Куренной вообще считает, что «методология Щедровицкого — крайнее выражение советского конструктивизма, который был „защит“ в этой культуре». Причем в школе

⁷ Эти давние разработки легли позже в основу соответствующих разделов учебника С.В. Кортунова [Кортунов 2007] и, по-видимому, не потеряли актуальности по сию пору.

Щедровицкого, якобы, нашла выражение советская идея «„формовки“ нового человека». И даже «представление о том, что можно взять и неким организационным усилием все изменить»⁸.

При самом внимательном отношении к критическим замечаниям мы категорически возражаем против таких квалификаций. Традиция ММК, как мы ее понимаем, диаметрально противоположна как социальному утопизму и утопическому мышлению вообще, так и (если вспомнить А. Синявского) советской стилистике. Ни о каком «новом человеке», а тем паче о его «формовке», не было и не могло быть речи: это в корне противоречит представлениям о человеке, разрабатывавшимся в ММК еще в 1960-е гг. Г.П. Щедровицкий [Щедровицкий 2003 и др.] всегда «был идеалистом», но его идеалы были принципиально иными. (Мы работаем с ними здесь и теперь, достаточно о них говорили и еще скажем)⁹. Основная установка, которую мы разделяем, при этом столь же проста, сколь и радикальна: **за идеалы не надо проливать кровь, они требуют не жертв, а работы мысли**. Если и когда таковая производится, часто оказывается, что, как пишет Э. Панеях [Панеях 2018], «достаточно минимальной осознанности в решениях, понимания и готовности быть, что называется, „на правильной стороне истории“».

Между тем различия между идеалами и утопиями хорошо известны [Лекторский 1996]¹⁰. Именно последние характеризуются антиисторизмом, намеренным отрывом от реальности, отождествлением идеалов с целями, превращением идеалов в проекты и т. д., и т. п. (см. соответствующие статьи в «Новой философской энциклопедии»). Как говорил И. Берлин [Берлин 2002: 671]: «Все известные нам утопии основаны на том, что <...> основные проблемы, <...> волнующие людей, одни и те же на протяжении всей истории; что они в принципе разрешимы и что эти решения образуют единое целое». На базе которого можно построить совершенное общество. Все это диаметрально противоположно традиции ММК, центрирующейся на *процессах* проблематизации и решения проблем в бесконечно многообразных ситуациях. (Дальше мы поговорим об этом подробнее.)

Но за обвинениями в утопизме стоит гораздо более глубокий вопрос, то или иное решение которого определяет принципы нашей работы с будущим. Вопрос этот может показаться странным, но он относится к числу первых мировоззренческих вопросов: откуда берется будущее? На наш взгляд, это практически важнейший, но при этом один из самых темных вопросов так называемой «научной картины мира», лежащей ныне в основе наиболее распространенных представлений.

Упомянутые представления в странах европейского культурного ареала, даже в среде интеллектуальной элиты, носят явно эклектический характер. В них естественнонаучные представления нерелексивно объединены с мировоззренческими проработками социально-гуманитарного плана. На наш взгляд, они *принципиально несовместимы*, и их соотношение требует проблематизации, но философы ориентированы именно на такое совмещение, т. е. прямо противоположным образом. Как пишет крупнейший авторитет в этой области акад. В. Степин [Степин 2001]: «Во второй половине XX века общенаучная картина мира начинает развиваться, <...> устраняется резкое противопоставление естественнонаучной и социальной научной картин мира».

⁸ Нельзя сказать, что подобные суждения полностью безосновательны. В 1960-х гг. в работах Г.П. Щедровицкого можно было усмотреть чрезмерное увлечение социальной инженерией, тогда же и критиковавшееся ближайшими коллегами, но попытки (в т. ч. и некоторых учеников Щедровицкого) распространить эту критику на позднейшую историю не имеют под собой никаких оснований.

⁹ Как известно, слово «идеал» имеет разные значения. Здесь мы говорим об идеале как путеводной звезде: «Идеал в силу своей недостижимости в мире вещей не может выступать реальной целью, понимаемой как конечный результат данной деятельности» [Лекторский 1996: 6].

¹⁰ В отличие от идеала (см. пред. примеч.): «В утопии происходит несовместимое с природой идеала его превращение в практическую цель, идеал становится проектом. В отличие от идеала утопия-проект выражает технический, инженерный подход к реальности» [Лекторский 1996: 6].

Однако если говорить строго в рамках естественнонаучной онтологии (а не философии, и не смешивать естественные науки с технаукой или комплексом R&D), прошлое перетекает в будущее через настоящее, которое оказывается тогда разделяющим их мгновением. Станным (для нас) образом в это мгновение прошлое успевает обогатиться множеством разного рода новшеств, которые, собственно, и превращают его в будущее. (К тому же принято считать, что этими новшествами мы и наше общее будущее обязаны науке, но это немного другая тема.) Практически таков «научный» ответ на поставленный вопрос. И он вполне адекватен естественнонаучной картине мира, выработанной по многовековому опыту хозяйственной деятельности («ойкос») с косным материалом.

Но в сфере «полиса» — организации человеческого общежития, правления («деятельности над деятельностью»), по Щедровицкому [Щедровицкий 2000]) такая картина мира не работает. В ней нет места для мышления и деятельности, а вместе с ними и для всего социально-гуманитарного мира¹¹. Как знают наши старые читатели и критики, у нас по этому пункту совершенно другие представления. Наука может изучать только то, что есть, что, говоря метафорически, положено на предметное стекло микроскопа. Будущее, то, чего пока нет, — дело визионеров и проектировщиков. Мы считаем, что **будущее выращивается в настоящем, имеющем некоторую ненулевую длительность**. Эти представления развернуты и сконцентрированы в разработках ММК: схеме шага развития, где выделено особое место для нашей деятельности в настоящем, и категориях искусственного и «естественного» [Рац 2010-г]. Если говорить предельно лапидарно, для нас будущее — это пустое место, которое наполняется нашим мышлением в противоположность привычной «исторической необходимости», приобретающей в этом случае роль естественной составляющей движения. А в отсутствие прожективного, направленного на будущее мышления наше будущее превращается в дрящееся прошлое со своей, естественной тогда «исторической необходимостью»¹².

Об этих наших взглядах в их социально-политической проекции и предстоит разговор. Не приходится удивляться, если для сторонников традиционной «научной картины мира» (хотя и у нас есть своя традиция, которую можно вести от Бл. Августина) такие взгляды кажутся утопическими, едва ли не большевистскими. Тем не менее, здесь, по-видимому, основная коллизия в рецепции разработок ММК гуманитарной интеллигенцией, причем за ней не видно реальных противоречий, кроме указанного онтологического противостояния. Нет других оснований для подмены идеалов методологического движения утопиями. Однако в свете этой коллизии и подмены, среди прочего и наша работа трактуется совершенно превратно. Поэтому, лучше поздно, чем никогда, рассмотрим коротко этот круг вопросов. Хотя мы отвергаем такую критику по содержанию, дальнейшие соображения оказываются нашим прямым ответом на нее и в некотором смысле порождены ею. (Чем и определяется наше отношение к критике: благодарность за внимание к нашей работе, прежде всего!)

6.2.2. Как работать с прожективными представлениями? Оглядываясь в этом контексте на выполненную работу, вернемся к намеченному в прошлый раз [2017: 63–64] различению *двух основных типов представления будущего*. Мы имеем в виду подлежащие реализации «в материале» *проекты* (в точном смысле слова) и *идеалы*, вовсе такой реализации не предполагающие, а по существу ее и не допускающие. (В полном соответствии с указанным выше значением слова «идеал».) Пока это принципиальное различие не отрефлектировано, ничто не мешает расширенному употреблению слова «проект», включающему среди прочего оба указанных значения, и, что много хуже, — работе с идеалами как с проектами.

¹¹ Этот тезис не должен особенно удивлять читателей, знакомых с психофизической проблемой и/или проблемой свободы воли. О различении деятельности с косным материалом и деятельности над деятельностью мы писали специально [2016-в].

¹² О дефиците прожективного мышления уже давно говорил И. Клямкин [Клямкин 2011], но его голос так и остался голосом вопиющего в пустыне.

Бороться с устоявшимся словоупотреблением бессмысленно, а вот вопрос о том, как работать с идеалами в отличие от проектов — особенно в свете опыта XX века, — заставляет взглянуть на проделанную работу под новым углом зрения. При этом приходится учитывать, что как идеалы, так и проекты, различаясь функционально, принадлежат к миру идеального в ином смысле: они мыслятся как идеальные (веберовские) типы.

Собственно, работа с идеалами оказывается важнейшим моментом методологии социальных преобразований, о которых мы говорили в п. 6.1. **Идеалы играют важнейшую роль в жизни человечества, но пока не получили сообразного своей роли места в социально-философской мысли, не стали предметом постоянной систематической проработки**¹³. (Видимо, в связи с этим, так сказать, в порядке компенсации, больше внимания привлекают утопии.) Если же нацеливаться на таковую, в рамках методологии социальных преобразований различаются два направления. По первому из них мы прорабатываем как сам идеал, так и способы движения к нему (чем пока и занимаемся). Второе же включает перспективу освоения исторического опыта, которая в нашем случае оказывается проблемной. Поскольку одно дело опыт реализации проектов — сравнительно понятный хотя бы по постановке задачи, а совсем другое — опыт работы с идеалами, притом еще что осуществлявшие эту работу люди не делали различия между теми и другими.

Представление об идеалах, как бы «зашитое» в самом этом слове, старо, как мир (хотя продолжающее строиться понятие идеала — продукт Нового времени) и в свое время четко сформулировано Вл.С. Соловьёвым (б/г): «Идеал обыкновенно противопоставляется *действительности*, как чему-то несовершенному. <...> Противоречие между этими двумя терминами может пониматься как задача их примирения, т. е. преобразования действительности по идеалу, или воплощения его в действительности. <...> Вся история мира и человечества есть лишь постепенное воплощение идеала и преобразование худшей действительности в лучшую...». Сейчас мы сказали бы, что Соловьев имел в виду противопоставление должного сущему.

Но только где-то на рубеже XIX–XX вв. и, видимо, неслучайно в одно время с управлением формировалось понятие проектирования. Причем очень важно, что идея проектирования поначалу относилась преимущественно к работе с косным материалом, в то время как об идеалах (в интересующем нас значении) говорилось применительно к человеку и обществу. Однако обсуждение понятия идеала в XX веке так до сих пор и не привело к сопоставлению идеалов с проектами, т. е. к анализу способов использования проективных представлений в деятельности. (Ситуация в этом смысле напоминает обсуждавшееся нами положение с сопоставлением и осмыслением другой пары — власти и управления.) Отсюда родилось расширенное (часто до потери смысла) понимание проектирования, а в нашем случае, в частности, — требование со стороны некоторых критиков учитывать в нашей работе опыт реализации проектов прошлого.

Поскольку критики не различают проектов в точном смысле слова и идеалов, фактически речь идет об опыте общественных преобразований «вообще», о неких мифических «реформах общества» [Серл 2002]. Но при такой постановке вопроса никакого опыта учесть нельзя, потому что не бывает «реформ общества» вообще, да и опыт истории доступен только тем, кто знает, чего хочет и намерен действовать [2016-б]. **А первый и главный урок преобразовательной деятельности**, сказали бы мы теперь, вспоминая упреки критика [Беляев 2015], **состоит именно в том, что надо различать проекты и идеалы. Потому что методы работы и соответственно опыт преобразований с использованием этих представлений будущего совершенно разные**. Мы полагаем, что для методологии социальных преобразований это не менее важное различие, чем власть и управление для проблематики правления.

¹³ Напомним по этому поводу еще раз о книге И. Федорова [2006], выдвинувшего идею выращивания особого направления философии: философии социальных преобразований.

Пока что — не без оснований — распространено мнение, что чем прекраснее идеалы, тем плачевнее результаты их использования. С нашей точки зрения, этот парадокс обусловлен тем, что люди так и не научились работать с идеалами. И последствия этого явления плачевны, особенно в России, получившей в XX в. хорошие прививки от идеалов, прежде всего в годы советской власти, да еще и с добавкой в 1990-х. Как пишет А. Архангельский [Архангельский 2018]: «Идеализм в России нелюбим и презираем, это сегодня повод для насмешки. Идеализм — это непрактичная, неконструктивная позиция. Демократия в России после 1991 года, прежде всего, лишилась идеалистического содержания, универсальных ценностей — вроде свободы или права — не в том ли была главная причина ее краха?»

Так в чем же состоит специфика работы с идеалами? Мы тоже еще учимся и по своему опыту можем пока заметить следующее. Мы отправляемся от представления движения к идеалам и реализации проектов как совершенно разных, но одинаково важных средств выхода в будущее. И видим некую общность между подлинным и профанным выходом в обоих случаях. Профанация возникает в случае использования «готовых» идеалов и проектов, безотносительно к всегда уникальной личности пользователя и ситуации выхода. Это (1) известное «проектирование по прототипам» [Раппопорт 1975], в пределе превращающееся в типовое проектирование, изготовление проектной документации, и (2) употребление разнообразных готовых идеалов: от религиозных до «предписываемых» властью вроде казенного патриотизма и гражданского долга. (В этом смысле идеалы, нерелексивно принятые политической оппозицией, ничем не лучше.) Но надо не делать добро «вообще», а каждый раз разбираться, что в данном случае окажется добром или злом¹⁴.

Идеалы в свете сказанного требуют, как минимум, критического отношения и осознанного выбора, а как максимум, их нужно строить. И это — личное дело каждого. Как, впрочем, и выбор между поступком и «калиби в бытии». Здесь, между прочим, выясняется, что попасть в будущее с помощью привычного прогнозирования нельзя: это всё та же профанация. Мы считаем, что наука здесь — плохой помощник, чем и отличаемся от сторонников (естественно)научной картины мира. Экстраполируя наличные тренды, можно лишь длить настоящее, уже сложившееся положение дел. (Чем — как известно, с переменным успехом — пользуются футурологи.)

Чтобы попасть в будущее, нужно совершить трансцензус, о котором так любят говорить философы: оттолкнуться от настоящего и совершить прыжок в неизвестность, в пустоту, которую можно заполнить только с помощью фантазии¹⁵. Другое дело, что эта фантазия может и должна быть ограничена, как минимум, нашей картиной мира, представлениями о

¹⁴ Это обширная и сложная тема, которая среди прочего переплетается еще с вопросом об идентичности и политикой идентичности. Мы затрагивали ее в контексте советской истории [2016-б: 55–56], противопоставляя идентификацию самоопределению. Характерная для советских времен и унаследованная современной Россией непроблематизированная идентификация с уже существующей группой, которая может иметь свои идеалы и проекты, — типичная профанация. Но не будем уходить от своей основной линии и ограничимся данным примечанием, дополнив его разве что ссылкой на М. Бахтина [Бахтин 2003], ибо имеем в виду выход в будущее как поступок.

¹⁵ Для понимания идеи трансцензуса может быть полезно вспомнить, как его описывал Б. Вышеславцев [Вышеславцев 1994: 120–121], говоря о феноменологии Э. Гуссерля. «...Для того, кто совершает этот *транс*, весь мир, все, что лежит в его поле зрения (внешнего или внутреннего), — редуцируется до степени явлений, и только явлений. Почему и откуда это „только“? А потому, что в своем трансцензусе он узнал иное бытие, иную „точку зрения“, иное измерение, в которое он сумел подняться. И теперь весь мир феноменов ему представляется как низшее измерение, как первое измерение, как пространственно-временной мир, обозреваемый его сознанием. Теперь, обозревая этот мир *в целом*, выйдя за его пределы, можно спросить, откуда он и зачем, имеет ли он смысл, реален ли он? Весь этот мир явлений ставится „под вопрос“ и делается объектом сомнения, берется в кавычки. *Явление* именно и означает то, что *несомненно* является нам, что дано нам, но что *сомнительно* в своем реальном смысле и значении. Спросить об этом смысле и значении — значит выйти за пределы явления, спросить о том, что скрывается за ним» (курсив Вышеславцева — авт.). В нашем случае — за непосредственно данным нам настоящим, — в прошлом и будущем. Так и возникает самоопределение в истории.

возможном и должном. Но со становящимся таким образом идеалом нужно еще долго и упорно работать: это скорее «кандидат в идеалы». Необходимую работу можно свести к трем пунктам.

Во-первых, идеал требует критической проработки и проблематизации: здесь простор, как для самокритики, так и для критики со стороны. Мы считаем, что находимся именно на этом этапе, а потому не спешим дальше. В этом и состоит неоднократно поминавшийся нами «левый сдвиг»: перенос центра тяжести работы с деятельности на мышление. Во-вторых, переход от идеальных мыслительных конструкций к реальности оказывается особой проблемой, о которой мы не раз говорили: известной как восхождение от абстрактного к конкретному. На пути такого восхождения заблудился в свое время К. Маркс, а реконструировал и описал его (путь) потом А. Зиновьев [Зиновьев 2002]. Мы надеемся одолеть эту проблему в коллективной работе, прежде всего с нашими критиками. При этом важно заметить, что на протяжении всей своей истории идеалы могут сильно трансформироваться.

Наконец, в-третьих, работа с идеалами предполагает особую *программную* организацию мышления и деятельности, о которой мы не раз говорили и которой сами пользуемся здесь и теперь. Программный подход и метод работы с идеальными представлениями будущего вырабатывался без учета различия проектов и идеалов. Как обычно, этот метод формировался подспудно и поначалу использовался неосознанно, находя выражение в программах политических партий и масштабных народнохозяйственных начинаниях вроде плана ГОЭЛРО в СССР или программы развития долины Теннесси в США.

Метод прорабатывался в ММК в 1970–80-е гг. и был подробно описан Г.П. Щедровицким в середине 1980-х гг., причем совершенно безотносительно к понятию идеалов.¹⁶ Имея в виду приведенную выше мысль Соловьева, можно сказать, что назначение программирования и проектирования в практике социальных преобразований одно: это мыслительное обеспечение перехода из не удовлетворяющей нас ситуации в желаемую. Однако и сам намечаемый переход (NB!), и предварительная проработка его возможных путей в этих двух случаях кардинально различны.

Основное различие, повторим, состоит в том, что **проект предполагает свою непосредственную реализацию в материале, в то время как программа организует движение к идеалу, который играет роль путеводной звезды**. При этом смысловым центром программирования является проблематизация и решение проблем. И жить приходится с подвешенными проблемами: одни рано или поздно решаются, но их место занимают другие. Если проектирование ассоциируется, прежде всего, с изготовлением и строительством, то программирование предполагает работу по типу выращивания и культивирования в пространстве истории. Проекты прорабатываются (в мысли) и *затем* реализуются (чаще всего на стройплощадке, на заводе или, как в нашем случае, в «социальном материале»), программы осуществляются *по мере* их проработки и развертывания. Выражаясь метафорически, можно сказать, что здесь нет границы между работой мысли и работой «руками». Конкретные проекты обычно отпочковываются от программы по мере ее разработки и осуществления.

На наш взгляд, в работе с идеалами программирование не имеет альтернатив. Вообще же, в связи с подспудно идущим — и требующим артификации — левым сдвигом (от деятельности к мышлению), оно должно стать ведущей формой организации мыследеятельности.

Полагая (как это сделано выше) идеалы и проекты идеальными типами представления будущего, любую картину будущего можно представить как «путеводной звездой», так и подлежащим реализации проектом, за чем следует выбор соответствующего способа работы.

¹⁶ Опубликована его работа была много позже [Щедровицкий 1999]. Вероятно, в связи с тем, что работа была выполнена на малоизвестном большинству читателей материале инженерных изысканий для строительства, эта книга не пользуется той популярностью, которой заслуживает по содержанию и значению.

И здесь на первый план выходит проблема, как сказали бы математики, адекватности модели: насколько релевантен реальному положению дел тот или иной способ представления. Мы знаем только один способ решения этой проблемы: критику и проблематизацию. Причем все это относится как к актуальному будущему, так и к реконструкции прошлого, но обо всем этом мы уже говорили.

Подводя итоги сказанному в этом пункте и возвращаясь к критике концепции ММК, надо полагать, что **фундаментальное расхождение мировоззрений, картин мира методологов с гуманитарно-научным истеблишментом наиболее рельефно проявляется именно в вопросе о работе с будущим. А этот вопрос имеет не только теоретическое, но и определяющее — прежде всего для политики — практическое значение.** Об идеалах и работе с ними вообще мы вкратце сказали, теперь перейдем к нашим конкретным идеалам и перспективам их использования в политике.

6.3. Развитие: от идеи к идеологии и политике

Итак, мы — как граждане, осознающие необходимость общественно-политических преобразований, — считаем себя ответственными за их ориентацию на *развитие*. С понятием развития мы связываем важнейший для нас корпус представлений, руководствуясь которыми мы рассчитываем на выход из обозначенной в п. 6.1 «интеллектуальной колеи».

Будем говорить о **развитии как способе становления и существования той особой связи мышления и деятельности, которую мы, вслед за Г. Щедровицким, называем мыследеятельностью.** Эту двойственную сущность «мыследеятельность-развитие» мы и полагаем — в соответствии с нашим пониманием, изложенным в п. 6.2.2, — *идеалом*: картиной будущего и способом движения в заданном этой картиной направлении. (Движение к идеалу, по принципу, организуется программно, а мы, сверх того, предлагаем реализовывать общественно значимые замыслы преобразований по схеме лестницы и сами по ней работаем.)

Мы, таким образом, дополняем свое прошлогоднее представление идеала как мира мыследеятельности [2017: 62 и далее]. Мир мыследеятельности рассматривается при этом как онтологическая проекция идеала, программное движение — как организационно-деятельностная. И это тоже не определение («гробик для мысли»), а отправная точка для дальнейшей работы. Например, сразу же можно заметить, что мы понимаем развитие двояко: с одной стороны, это достройка до полноты мыследеятельности так или иначе редуцированных (и наиболее распространенных) ее форм, а с другой — поддержание «полной» мыследеятельности как — по идее — обычного способа ее существования. Таким образом, можно говорить о расширении (за счет доращивания редуцированных форм до полноты) совокупности процессуальных представлений мыследеятельности. Это доращивание до полноты локально осуществляется, как многим известно, в ходе организационно-деятельностных игр. Глобально оно представляет собой *проблему* выхода из интеллектуальной колеи, о которой мы писали в начале и над решением которой работаем.

Попробуем развернуть сказанное и наметить несколько тезисов (см. ниже, п. 6.3.1), как бы концентрирующих (а местами и уточняющих) написанное нами о понятии развития раньше. Прикинем, как может на практике выглядеть развитие в нашем понимании (п. 6.3.2), а потом поговорим об идеологии и политике развития, призванных в случае успеха нашего замысла послужить основными средствами дальнейшего продвижения (см. пп. 6.3.3-4).

6.3.1. О понятии развития. Начнем с того, что (во-первых) идеал мыследеятельности-развития фиксирует не *будущую форму социальной организации* (вроде коммунизма, господства арийской расы или истинной веры), как мы привыкли, а очень специфический сегодняшний — *здесь и теперь* — способ движения в будущее. Слова «здесь» и «теперь» надо понимать вместе и по отдельности. Вместе они задают *принцип локальности развития,*

которое не бывает ни повсечасным, ни повсеместным. По отдельности — начнем с «теперь». О том, что все происходящее происходит исключительно в настоящем времени, писал еще Бл. Августин [Бл. Августин 1991: 296], но этого мало: установка наша в рамках развития должна быть на будущее. Может быть, в этом и состоит «секрет» развития: оно может происходить только в настоящем, но только при условии установки на будущее.

Поэтому развитие не может мыслиться как удаленная цель, к которой мы приближаемся и которой когда-то достигнем. Оно парадоксальным образом должно мыслиться только как ценность и идеал, стремление к которому обуславливает возможность нашего локального развития в настоящем. Только в работе на будущее и *только в конкретной ситуации*, — за которой стоит не только «теперь», но и «здесь», — сами мы в настоящем можем соучаствовать в развитии мышления и деятельности (и, согласно нашим представлениям, становиться людьми). Актуальное развитие не терпит обобщений: за рамками конкретной ситуации оно превращается в теорию, в рассказ о развитии. Это тоже нужное дело, но другое. (Поэтому мы все время «оглядываемся» на свою ситуацию: проработки и продвижения нашего проекта в постоянном диалоге с критиками.)

Во-вторых, сказанное означает, что развитие надо понимать не как нечто внеположное нам, а как способ нашего — *субъектов развития* — самоопределения и самоорганизации. Это в свою очередь означает, что из внешней позиции можно в лучшем случае создать условия для развития, а осуществлять его можем только мы сами. Поэтому в принципе нельзя «обеспечить развитие», а тем более обеспечить в заданной точке пространства-времени, если там нет субъектов развития. В частности, из этого следует, что в отсутствие развития «на местах» централизованное развитие больших систем невозможно: развитие предполагает децентрализацию и свободу предпринимательской инициативы, самоорганизацию на местах¹⁷. Развитие несовместимо с так называемым «ручным управлением».

При этом из схемы мыследеятельности (центрирующейся на слое коммуникации) формально следует, что субъекты развития всегда и в принципе могут быть только коллективными. *Субъективизация* мыследеятельности-развития получается как обратная сторона ее коллективизации. Коллективность мыследеятельности (в отличие от коллективного поведения в колхозе) могут поддерживать только действующие субъекты (которые, заметим, обычно «не водятся» во властных системах при отношениях господства-подчинения). Поэтому важнейшим типом субъектов развития выступают разного рода сообщества и формирующиеся вместе с ними сферы деятельности (о них тезис № 5).

Для читателей, недостаточно знакомых с традицией ММК, в отдельный тезис без номера (отсутствие номера подчеркивает его особый статус в данном контексте) нужно выделить главенствующую роль коммуникации, понимаемой и технически организуемой в духе сократического диалога. Не обмен знаниями/информацией, а порождение новых идей здесь и теперь, в ходе диалога — ее отличительная особенность. С этим связана и еще одна заслуживающая специальной фиксации особенность развития, которое никогда не гарантировано: любой шаг развития — дело случая и удачи.

В-третьих, что же делает — в принципе — субъект развития? Именно ему мы приписываем заботу о дополнении повсеместно распространенной редуцированной мыследеятельности до полноты и поддержании ее в таком состоянии. Ибо однажды ставшая «полная мыследеятельность», будучи, фигурально выражаясь, брошенной на произвол судьбы, склонна «терять полноту» за счёт вырождения и отмирания тех или иных форм участия мышления и

¹⁷ Но, точно так же, локального развития недостаточно для устойчивого развития больших систем: об этом мы еще поговорим (см. п. 6.3.2).

ослабления их со-организации в деятельности¹⁸. Это такой, если угодно, аналог второго начала термодинамики.

Вот такое искусственное доращивание, дополнение редуцированных форм мыследеятельности до полноты и поддержание этого состояния требует интеллектуальных усилий. Именно эти усилия мы видим за словами Г.П. Щедровицкого об «управлении развитием». Естественного развития, без приложения таких усилий, не бывает. Кажется, что это противоречит второму тезису (о самоопределении и самоорганизации), но для осмысления как идеи развития, так и идеи управления необходимо понимать, что, по мысли Щедровицкого, управляющая и управляемая подсистемы связаны воедино в рамках оргтехнической системы. Управление осуществляется за счет рефлексивно-знаниевого охвата и ассимиляции всего целого. Речь соответственно может идти только о *самоуправлении* и *саморазвитии*¹⁹. Субъект развития управляет собственным развитием и развивается (т. е., развивает себя).

В-четвертых, раскроем свою исходную мысль: развитие мыслится как процессуальная развертка (становление и существование) мыследеятельности. **Развитие осуществляется по «предпринимательской» схеме шага развития, дополняемой установкой на проблематизацию и решение проблем, т. е. на инновации**, не только продвигающие вперед задуманное дело, но и обогащающие арсенал наших методов и средств²⁰. Таков способ существования мыследеятельности, а все остальное происходит, как мы уже говорили, по сопричастности, будь то развитие личности или города и страны.

В-пятых, макроскопически развитие мыслится как «рамочный процесс» для ряда параллельно текущих так называемых *сферных процессов*: функционирования, производства, воспроизводства, отмирания старого и зарождения нового, руководства, управления и такой их совместной организации, которая обеспечивает развитие сферы деятельности. Тем самым одновременно обеспечивается и ее своего рода динамическое равновесие или необходимая *стабильность*. Заметим еще к слову, что развитие — в отличие от других сферных процессов — всегда «вылезает» за границы сферы (как тесто из квашни). И еще: сферы деятельности формируются параллельно и вокруг сообществ разного рода: профессиональных, региональных, по интересам и т. п.

К сформулированным тезисам можно многое добавить. Поэтому мы пока претендуем не на понятие развития, а на понимание предлагаемой конструкции. Соответственно и далее ограничимся лишь некоторыми частными суждениями, особо важными в данном контексте и имеющими по большей части постановочный характер. С нашей точки зрения, главное, что нужно здесь (в пункте 6.3.1) понимать, это следующее. **Развитие «вообще», о котором говорилось выше, развитие без прямого указания на субъект (он же объект) развития — не более (но и не менее) чем абстракция, скелет будущего понятия. А в жизни развитие реализуется конкретными субъектами в конкретных ситуациях; это всегда чье-то развитие.**²¹

Непривычность и непростота всего сказанного — конечно, препятствие на пути распространения исповедуемых нами взглядов. Но есть и обнадеживающие обстоятельства: недавним юбилейный доклад Римского клуба отправляется от тезиса о том, что мир находится в опасности и спасение лежит в изменении мировоззрения [Weizsaecker, Wijkman 2018; рус. резюме: Малахов 2017]. Да и сам разговор о развитии как идеале и ценности наводит на

¹⁸ Т. е. мыследеятельность и лишенное — в пределе — рефлексивно-мыслительной составляющей поведение (в нашем понимании [2014: 168–175]) оказываются опять же идеальными типами, а мы, как правило, имеем дело с промежуточными формами.

¹⁹ Никакого противоречия здесь нет, истоки такого хода мысли можно найти еще у А. де Токвиля [Токвиль 1992], другое дело, что подобные представления в корне расходятся с привычными ныне.

²⁰ О «шагах развития» — инновациях написана целая библиотека, хотя о сути дела — с нашей точки зрения, проблематизации — при этом вспоминают только коллеги — выходцы из ММК.

²¹ Сложившаяся речевая форма «развитие чего-нибудь» вроде развития мышления, города или личности обозначает предметизацию развития, но заодно маскирует сделанное различие.

мысль об известной концепции *«устойчивого развития»* (англ. Sustainable Development). Это хороший знак: наше осмысление и проработка понятия «развития» ведут примерно к тем же представлениям, к которым идет формировавшаяся с 1980–90-х гг. концепция устойчивого развития.

Последняя изначально центрировалась на экологической проблематике. Однако в последние годы она приобрела полипредметный характер, объединяя экономический, социальный и экологический взгляды [Преобразование... 2015]. Мы делаем следующий шаг в этом направлении и, соотнося концепцию устойчивого развития с изложенными выше представлениями, говорим о нем как об общественном идеале, современном прочтении классического «общего блага». Так понимаемое устойчивое развитие предполагает «сферную организацию» и соединение, кажется, несоединимого: заведомо неустойчивого инновационного развития с обеспечением стабильности общественных систем. (Собственно, это соединение несоединимого в нашем проекте и мыслится посредством преобразований и правления в целом по схеме лестницы.) Мы считаем, что устойчивое развитие — представление не из разряда экономического роста (его темпов, качества) или модернизации, а прямой аналог кантовского «вечного мира» [Кант б/г], четко укладывающееся в изложенные в п. 6.2 рамки работы с идеалами.

Нынешняя организация общежития с разнообразными войнами, революциями и терроризмом плохо сочетается с идеей устойчивого развития, а как изменить такое исторически сложившееся положение — никто не знает. Конечно, это не делается в одночасье: движение по направлению к понимаемому так устойчивому развитию — может быть только историческим процессом. Понятно, что необходимым условием устойчивого развития являются глубинные перемены в организации общежития. Перемены же, вспоминая М. Булгакова, начинаются «в головах» и доходят до «клозетов».

Пока все это пишется для яйцеголовых: дело нужное, но в перспективе недостаточное. Вообще, наверно, нужно дополнять идею мыследеятельности-развития до состояния, пригодного к употреблению в общественно-политической практике. Для самих себя и возможных единомышленников мы видим здесь два направления работы. Во-первых, как связать абстракции такого рода с реальной жизнью: зачем людям вся эта философия, что она может дать? Во-вторых, как превратить эту философию в стимул для объединения людей, скажем, в некое «дополнительное» сообщество типа того, о котором писал В. Гавел [Гавел 1991]? Вряд ли можно ответить на второй вопрос, не ответив на первый, но у него есть и собственное содержание.

6.3.2. Развитие и жизнь. Что касается возможной связи изложенных абстракций с реальностью, напрашивается вопрос о том, **как и в каких формах находят своё выражение процессы развития и оестествляются их результаты — новые методы и средства мышления и деятельности.** В сущности, это как раз вопрос, за которым стоит работа восхождения от абстрактного к конкретному, о котором мы не раз говорили. Пока она не проделана (а это работа масштабов «Капитала» К. Маркса), мы можем только, как говорится, для затравки, представить свои прикидки возможных ответов. Кажется, однако, что здесь и прикидки будут нелишними.

Кстати, отвечая на поставленный вопрос, мы явно или неявно будем на смысловом уровне говорить и о субъектах развития. Таковыми, мы считаем, могут оказаться любые субъекты деятельности в самом широком понимании: личности, малые группы, предприятия, сферы деятельности, регионы, страны. Мы касались вопроса о субъектности едва ли не в каждой своей статье, говоря о Человеке [2014: 168], о революции субъектности [2016-а: 42], о мире мыследеятельности и делах человеческих [2017: 87]. Чтобы не повторяться, не будем больше теоретизировать, а приведем несколько примеров в надежде, что они скорее помогут пониманию сути дела.

Итак, нам хотелось бы проследить пути непосредственного использования нововведений, их дальнейшего продвижения, распространения в практике и благоустройства в культуре. При этом, как ни странно, сам тезис об определяющей роли *мышления* в истории цивилизации не только не общепринят, но часто встречается в штыки²². Поэтому первый и очень непростой вопрос здесь — демонстрация определяющей роли мыследеятельности-развития в понимаемом обыденно «развитии»: повышении уровня и качества жизни и т. п. Трудности, похоже, связаны с тем, что при обсуждении этих вопросов место и значение проблематизации и перевода проблем в задачи обычно выпадают из рассмотрения. Между тем следующие (например, за изобретением) события и их цепочки могут идти уже в задачном режиме, разветвляться и осуществляться представителями других позиций. Разумеется, они ситуативны, однако некоторые общие моменты можно выделить и здесь.

В этом смысле за навеянной Булгаковым парой «голова — клозеты» (тоже своего рода «поляризующие абстракции») видится важное представление, которое, можно обозначить словами «*спектры развития*». Имея в виду интересующую нас сферу организации человеческого общежития (сферу политического — в отличие от хозяйственной деятельности), в качестве примера можно привести судьбу решения проблемы сочетания власти и свободы посредством разделения властей. История этой идеи — особая тема (мы затрагивали ее в [2017, п. 5.3.3]), но нам здесь важны общеизвестные последствия ее проработки, условно говоря, завершенной Ш. Монтескье: реализация в практике (отцами-основателями США), обустройство в культуре и дальнейшее победоносное распространение.

Широкой публике лучше известны примеры противоположного толка, когда постановка и успешное решение вроде бы насущных проблем, в конечном счете, приводит к провалу и полной дискредитации принятых решений. Мы имеем в виду, конечно, судьбу тоталитарных режимов XX века. Подчеркнем, что культурно-историческая роль провальных решений может быть не менее, а даже и более значительной, нежели успешных. (Тем более, когда эти провальные решения сопровождаются человеческими трагедиями масштабов ГУЛАГа и Холокоста.) Они оказываются при этом образцами негодных способов действий, но такое их осмысление растягивается на десятилетия и идет очень по-разному в разных странах.

Однако во всех подобных примерах мы имеем дело с историей, которая продолжается. Поэтому наиболее распространенным может стать третий вариант «судьбы развития», формирующийся со временем. Рано или поздно оказывается, что решавшиеся проблемы теряют актуальность, и, хотя принятые в свое время решения могли быть (или казаться) вполне успешными, к текущему моменту они становятся достоянием истории. Что отнюдь не лишает смысла два указанных выше варианта, а напротив, с точки зрения переноса опыта придает дополнительный смысл их исторической реконструкции.

Бесконечное число обычно более простых и прозрачных примеров такого рода содержит также история хозяйственной деятельности и научно-технического прогресса.

С нашей точки зрения, важнейшей составляющей спектра *успешного* развития оказывается диверсификация деятельности, обусловленная использованием новых средств и форм организации. (Мы говорим «успешного», потому что многие инновации, как известно, оказываются невостребованными и не влекут за собой непосредственных перемен в деятельности.) Трудно переоценить в этом плане многолетнюю работу П.Г. Щедровицкого [Щедровицкий 2018 и др.], посвященную разделению труда и проблематике промышленных революций. Здесь, однако, возникает вопрос, имеющий далеко идущие последствия и требующий специальной проработки.

Дело в том, что как место и характер перемен в нашей жизни вообще, так и пути осуществления преобразовательных замыслов и необходимое для этого время очень разнообразны. Особенно наглядны временные различия. Рассмотрим их на примере уже привычных нашим

²² Ему противостоит известная максима: бытие определяет сознание. В нашей системе представлений нужно добавить: при отсутствии мышления. И дальше обратиться к схеме шага развития.

читателям двух миров, известных с древности: ойкоса и полиса. Относительно когерентно и быстро и чем дальше, тем быстрее перемены происходят в хозяйственной деятельности, в работе с косным материалом (ойкос); медленнее и неравномернее, как в пространстве, так во времени, — в организации человеческого общежития, во взаимодействии различных систем деятельности, в т. ч. в сфере правления (полис). Ныне временные масштабы первых измеряются годами, вторых, скорее, веками.

Но дело далеко не всегда обстоит так: указанный разрыв наметился и стал ускоренно нарастать лишь в Новое время, а его осмысление в полном объеме становится важнейшей задачей наших дней. Эти две мегасферы деятельности тесно и очень непросто связаны друг с другом, причем теснота и характер связи меняются со временем. В Новое время обычным было положение, когда разного рода и масштабов политические изменения следовали за хозяйственными (что нашло яркое выражение в теории Маркса). К концу XX в. мы вступили в период очередной промышленной революции, пока это никак не сказывается в сфере полиса, но о грядущих переменах пора задуматься всерьез. Мы полагаем, что организацию человеческого общежития ждут большие перемены, и прояснение процессов и механизмов взаимодействия ойкоса и полиса становится предметом более чем актуальной работы. (Например, в этом предмете мы ждем решения вопроса о том, является ли демократия *необходимым* условием хозяйственно-технического развития: в нем суть известной байки про молоко и корову.)

Пока что происходящее осмысливается по инерции так, что «технологическая революция стремительно меняет общественный уклад», а мы предлагаем *подумать* об артификации этих процессов. Начиная сверху, т. е. прежде всего с того, как поставить под контроль мышления и сделать управляемой стыковку ойкоса и полиса. А в целом — о том, чтобы интенсифицировать тот «левый сдвиг», о котором мы говорили пока только как о естественноисторической тенденции. Нынешние перспективы всеобщей автоматизации и цифровизации актуализируют эту задачу, но в существующем общественно-политическом дискурсе, когда различие полиса и ойкоса, в сущности, давно забыто, она даже не ставится.

В рамках означенной задачи, да и вообще для понимания проблематики развития в нашей трактовке важен вопрос, который сами мы считаем преждевременным, поскольку он относится к социальным феноменам нашего мира, а их мы пока напрямую не обсуждали. Рассмотрим его хотя бы вчерне. Как квалифицировать (в рамках нашей типологии общественных перемен [2017: 69–72], в т. ч. трактовки развития) происходящее, например, в США, которые, по крайней мере в XX веке, лидировали, да и пока еще вроде бы лидируют в мире?

Наш черновик ответа парадоксален и состоит в том, что *США, будучи лидером, не являются субъектом развития* (говорим это, — особенно имея в виду будущее, — совершенно безоценочно). Америка лидирует в деятельности с косным материалом, в так называемом научно-техническом развитии, в хозяйстве, но что происходит в сфере политического? Мы думаем, что идущее «стихийное», т. е. управляемое преимущественно на уровне локальных систем деятельности, хозяйственное развитие не рефлектируется должным образом на уровне правительств (как штатов, так и федерального). Точнее, в Вашингтоне нет стратегической установки на развитие в нашем понимании, а потому нет и не может быть *соответствующей* — именно в этом понимании — идеологии и политики (о них дальше).

Собственно, это и есть модус вивенди «открытого общества» К. Поппера или того «порядка открытого доступа», о котором пишут Д. Норт др. [Норт и др. 2011]. Развитие, так сказать, отдано на откуп его локальным (по месту в социуме, а не по масштабам) субъектам-популям. Они и развиваются — сообразно своему положению в рамках хозяйственной деятельности. При этом (социально-политическая) организация общежития контролируется государством — говоря языком нашей схемы лестницы, в режиме «нормоконтроля» — и пока

сохраняет стабильность. Сконструированная отцами-основателями система сдержек и противовесов, весь присущий Западу порядок открытого доступа пока относительно успешно работают. Но ничто не вечно под луною: не пора ли задуматься об их модификации, а, возможно, и о новых формах организации общежития? Свою версию, идеал организации системы правления мы изложили. Добавим еще, что считаем необходимым совмещать, — а для этого сперва различать — «должностную» *ответственность* государства за стабильность с *идеальной установкой* на проблемность и развитие.

Регулируемое на уровне государства лишь тактически, в режиме функционирования государственной машины, «стихийное развитие» чревато затяжными блужданиями, пропуском («просматриванием») вновь возникающих проблем, а поэтому подвержено угрозам вырождения. Правительство и партийные штабы поглощены текучкой, а различные фабрики мысли, по-видимому, не проявляют должной настойчивости в продвижении своих идей и проблематизации текущей ситуации. Примерно так мы оцениваем происходящее в США, как, впрочем, и на Западе в целом, имея в виду широкий спектр реалий, начиная с постмодернизма и мультикультурализма и кончая политкорректностью, постправдой и расколом общества²³.

Подобные масштабные явления общественно-политической жизни возникают и эволюционируют по большей части стихийно вне всякой связи с происходящим в сфере хозяйства и, что еще интереснее, вне связи с мировыми трендами, о которых мы говорили в п. 6.1. При этом **самой инерционной**, с нашей точки зрения, **даже инертной оказывается, как ни парадоксально, сфера политики**. В ней, если говорить о мире в целом, по-прежнему важнейшей движущей силой оказывается борьба за власть, господствуют идеи игры с нулевой суммой, а основной структурной единицей остаются государства. О политической деятельности мы сейчас поговорим специально, а пока заметим, что вообще **в сфере правления левый сдвиг и интеллектуализация деятельности проявляются сравнительно слабо, чем и вызвана к жизни наша работа**.

В некотором смысле принятый ныне на Западе способ работы государственной машины с локальными системами деятельности противоположен принятому в России (как и в других «естественных», по Норту, государствах с порядком ограниченного доступа). Пока здесь не работает идея права, нет массового предпринимательства (или оно, как минимум, сильно затруднено), не может быть и развития. Зато государственная власть жестко регулирует все остальное, пытаясь по мере сил согласовать и скоординировать течение других сферных процессов. Впрочем, само представление о таковых теряет смысл в отсутствие рамочной идеи развития. При этом, несмотря на обилие «стратегий», отсутствие стратегических установок так же характерно здесь, как и на Западе. Не удастся восполнить эту лауну и Комитету *гражданских* инициатив А.Л. Кудрина, созданному «с целью определения и реализации наилучшего варианта развития страны»²⁴ и задуманному, судя по названию, чуть ли не как инициатива снизу.

Практический смысл сказанного выше мы видим в том, что идеал мыследеятельности-развития по-своему столь же актуален для США, как и для России, для Запада так же, как и для Востока. Другое дело, что дальнейшая проработка и программы действий, надо думать, будут при этом сильно расходиться.

6.3.3. Проблема политики. Теперь, прояснив и уточнив свои представления о развитии, мы возвращаемся к основной линии нашего дискурса и, соответственно, к вопросу о том, как продолжать движение к намеченным идеалам. Поскольку в перспективе речь идет о переходе от мысли к действию, об общественно-политическом движении, нужно прежде всего озаботиться соответствующей политикой и идеологией. Мы сохраняем свою позицию

²³ Разумеется, эти разноприродные явления требуют специального анализа, но он выходит за границы нашей темы.

²⁴ Алексей Кудрин. Официальный сайт: <https://akudrin.ru/news/zayavlenie-o-sozdanii-komiteta-grazhdanskikh-initsiativ.html>.

прикладных методологов и, вспоминая центральную схему нашего проекта — схему лестницы, можем поставить вопрос о том, каким образом мыслится передача методологического содержания в политику. И более важный вопрос: какое отношение имеет «политика» из нашей схемы [2017: 187–190] к тому, что называется «политикой» в нашей социальной реальности.

По части передачи различных идей политикам накоплен разнообразный опыт: от политического консалтинга и политических технологий до воспитания наследников престола. Однако понятно, что освоение методологического содержания и таких идеалов как развитие нынешними «профессиональными» (т. е. занимающими соответствующие места в социуме) политиками, мягко говоря, проблематично. Реалистичнее думать здесь не об освоении содержания, а о выращивании нового поколения политиков, уже в образовании которых будут заложены такого рода идеалы и средства работы с ними. При этом для выращивания политиков, привязанных не к «месту работы и должности», а к занятию позиции конкурирующего с коллегами управленца, следует делать ставку не столько на трансляцию и кооперацию, сколько на коммуникацию.

Возникающая здесь очередная проблема обусловлена тем, что реальная сфера политики предельно далека от обсуждаемых нами идей и от той политики, которая фигурирует в схеме лестницы. Идея развития в той трактовке, которую мы представили выше, практически не осознается даже интеллектуальной элитой. О таких высоких материях рассуждают немногие представители этой элиты, с которыми политики-практики (даже на Западе) редко когда разговаривают. У них другие заботы: в первую очередь их занимает борьба за власть и/или ее удержание. Что и отражается в наиболее распространенном понимании политики как борьбы за власть. Поэтому **возможная имплементация наших представлений предполагает на перспективу полное переосмысление нынешней «политики» и перестройку сложившейся практики.** Напомним в связи с этим, что мы не предлагаем разрушать что-либо «до основания», а речь идет не только что об исторических процессах, но и о самой первой прикидке авторской версии желаемых перемен. Она может заметно измениться и при всех условиях потребует в итоге после широкого обсуждения разработки специальной программы действий.

За последние без малого четверть века мы уже не раз обсуждали свои представления о будущей политике: последняя версия была опубликована в статьях [Рац 2010-а, б, в] и сжато изложена в [2014: 187–189]²⁵. Поэтому здесь ограничимся тезисным сопоставлением господствующего пока и предлагаемого понимания политики. Новая трактовка политики вытекает из разработанной Г.П. Щедровицким концепции управления (о которой мы говорили в п. 6.1), и она такова, что ценностная ориентация оказывается едва ли не ее смысловым центром. **Политика категоризуется** при этом, прежде всего, **как особого типа мыследеятельность**, все остальное — сфера политики, политические режимы, институты, государственное устройство и т. д. — вторично.

Сопоставим по основным признакам бытующее и деятельностное представления. Политика мыслится:

- *Как конкуренция управленческих систем за будущее общей сферы интересов* (которое они видят разным) — в противоположность господствующему пока пониманию политики как борьбы за власть над этой сферой.

- *Как тип мышления и деятельности*, используемый в разных приложениях (экономическая, культурная и т. п. политики) — в дополнение к распространенному пониманию политики как особой «сферы деятельности»: скажем, политика в ряду с экономикой, культурой, образованием.

- *Как конкретизация применительно к местным условиям некоей идеологии* — отрефлектированной и развернутой ориентации на те или иные идеалы и ценности (о такой трак-

²⁵ Из первоначального замысла политики развития [Рац 1994] и родился наш нынешний проект.

товке идеологии и её связи с политикой — чуть дальше) — в дополнение к преобладающим пока геополитическим, экономическим и т. п. интересам.

Разумеется, каждый из этих тезисов требует развертывания (об идеологии мы поговорим еще в следующем пункте), но наметим и следующее направление работы: выявление общих для «старой» и «новой» политики моментов. Они отнюдь не ограничиваются функциональным назначением политики в общественном разделении труда.

Для примера скажем пару слов о важнейшей для политики связке, не имеющей русского эквивалента: *policy/politics* (по-английски эта пара и представляет русскую «политику»). Эту пару можно понимать как одновременную и параллельную работу по двум векторам, один из которых (*policy*) нацелен на общую для конкурентов сферу интересов, а другой (*politics*) — на самих конкурентов. И/или как попеременную смену политической борьбы (*politics*) и поступательного движения (*policy*) по итоговой «равнодействующей», к которому (движению) выстраивается своя оппозиция... Наиболее известная форма проявления этой пары в форме цикла — выборы и периоды работы выборных органов²⁶.

Наш тезис по этому поводу состоит в том, что работа этой связки — необходимое условие политики как в общепринятом (если таковое есть), так и в предлагаемом нами понимании. Если одна из составляющих отсутствует, о политике говорить не приходится: отдельно взятая полиси превращается во властвование, политикс — в политиканство.

Но это — на перспективу, а пока нам надо обратиться к нашей трактовке другой и не менее важной связки идеологии и политики.

6.3.4. Идеология и политика. Традиционные способы освоения политиками-практиками некоего нового содержания — прямая трансляция из сферы чистой мысли в сферу политики (некоторые политики даже книги читают), либо рабочая кооперация политиков и их советников. Такой способ действий в принципе известен со времен Платона и Аристотеля, хотя богатый и разнообразный исторический (да и современный) материал, видимо, еще ждет систематизации с этой точки зрения.

Мы, со своей стороны, исходим из того, что ответ на профессиональный вопрос политиков («что делать?») могут выработать — сообразно развертывающейся ситуации — только они сами. Несколько упрощая ситуацию, в подобных ответах можно выделить две составляющих, притом что они неразрывно связаны и переплетены друг с другом. Одна определяется общими установками политика: его принципами, идеалами, ценностями, в конечном счете — его картиной мира²⁷. Вторая — неповторимыми особенностями текущей ситуации. Политика оказывается результатом той или иной балансировки и «зашнуровки» этих составляющих (путем уже знакомого нашим читателям зигзагообразного движения).

Понятно, что первая из перечисленных составляющих играет особую роль. Она лежит в основе любой типологии политики: собственно, тип политики и определяется первой составляющей. При этом она (идеология) «**понимается как ориентированная на действие система убеждений, как целостный набор идей, который <...> направляет политическое действие**» [Хейвуд 2005: 53]. Именно так, безоценочно, мы понимаем идеологию. **Оценке же подлежат конкретные содержания тех или иных идеологических систем (от либерализма до фашизма)**²⁸.

Если теперь мы хотим приобщить профессиональных политиков к ценности развития, то, учитывая сказанное, для этого придется формировать соответствующую *идеологию разви-*

²⁶ Жизненный цикл *Policy/Politics* не следует смешивать с часто обсуждаемыми представлениями о цикличности общественно-политических процессов.

²⁷ Мы говорим об онтологии, сообразно своему пониманию традиции ММК, как о картине мира должного.

²⁸ Не будем вступать здесь в бесконечные дискуссии об идеологии вообще. Об идеологии как форме «ложного сознания» (т. е. о другом значении слова) мы писали в статье об истории [2016-б: 57]. Здесь нам важнее противопоставление идеологии и догматики. Вот что пишут наши коллеги: «...Догматизация идеологии приводит к вырождению. Догматизация такой идеи, как демократия, например, привела человечество в его нынешнее состояние, вызывающее тревогу не только у мыслящих, но и у здравомыслящих» [Андрейченко, Реус 2017].

тия, которая может, в свою очередь, реализоваться в той или иной версии политики соответственно местной ситуации. Иначе говоря, конкретная идеология (например, идеология развития в нашем понимании) одна, а реализующих ее политик — сколько угодно. Или так: идеология всегда «вообще», а политика всегда конкретна²⁹. При этом еще оказывается, что идеология идеологии рознь, и вовсе не все они сводятся к разного рода «измам»: для нашего случая подходящий изм пока не придуман. Для нас особое значение приобретают *рамки*, тесно связанные с ценностной ориентацией идеологии.

В первом приближении можно сказать, что функция рамок в идеологии и политике состоит в том, что они задают те или иные возможности и ограничения на интерпретацию и практикование различных позиций, в том числе тяготеющих к известным «измам». При этом каждая из рамок допускает сосуществование множества различных позиций. Прежде всего, в голову приходит традиционная рамка права, по идее, задающая идеальное политико-правовое пространство, которым, правда, далеко не ограничивается пространство реальной политики. (Характерный пример здесь — разделение российских марксистов на легальных и «нелегальных», в т. ч. будущих большевиков.) В качестве кандидата на роль второй такой рамки мы предлагаем рассматривать идею развития. При этом нужно иметь в виду, что рамка права общеизвестна и формально принята всеми государствами — членами ООН (в этом смысле даже странно выглядит «идеология права»), в то время как *рамка развития* предлагается впервые и заведомо может быть только факультативной. Для начала, как и все наши предложения, она требует, конечно, широкого обсуждения. Вопрос о конкретных последствиях использования рамки развития для возможных типов политики требует специальной проработки: он не вполне ясен даже применительно к классической рамке права. (Другой, но слишком специальный в данном контексте вопрос, откуда берутся или как строятся рамки.)³⁰

Основное новшество, привносимое рамкой развития в политику, состоит в ориентации политической деятельности на проблематизацию, призванную дополнить такое известное средство как *компромисс*. Дополнить, впрочем, это мягко сказано: место и (на)значение компромисса должны тогда в корне измениться.

Сейчас распространена точка зрения, согласно которой, идя на компромисс, «все стороны конфликта надеются получить хотя бы часть возможной выгоды, вместо того чтобы стремиться к абсолютной победе, рискуя при этом потерпеть при плохом раскладе абсолютное поражение. Именно это и является основой демократии» [Травин 2018]. За таким суждением неявно стоит представление об игре с нулевой суммой (выигрыш одного получается за счет проигрыша другого), которая характерна как раз для отношений власти/подчинения. Но мы ведь говорим о политике развития, прагматика которого как раз и состоит в возможном выигрыше всех участников. Когда, например, вместо передела рынка происходит его расширение. Это совсем другая демократия [2015: 59] и, между прочим, другое понимание конформности и бескомпромиссности: первая связывается с ленью мысли, вторая — с необходимостью для развития.

Политический торг и компромиссы в нынешней практике занимают то место, которое в рамках концепции развития принадлежит проблематизации и решению проблем. В ориентации на развитие компромисс важен как временный выход из положения — впредь до решения проблемы. Конечно, нет ничего более постоянного, чем временное, но для нас важнее принцип, определяющий вектор движения мысли. (Но это и не более чем принцип, поскольку

²⁹ Коллегам-методологам можно добавить: идеология занимает место и выполняет функции интерфейса между философией/методологией и политикой. Идеологом становится методолог, занявшийся реализацией своих представлений о мире и о том, как в нем жить надо. Следующий шаг на этом пути — привязка идеологии к конкретному месту и времени, но это уже дело политика.

³⁰ Для особо дотошных читателей скажем, что, с нашей точки зрения, рамки изначально строятся и полагаются в мышление и деятельность ситуативно, и только потом в случае успешного многократного использования могут в более или менее обобщенном виде полагаться в культуру в качестве нормативных. А дальше возникает ситуация, аналогичная обсуждавшейся выше (п. 6.2.2) с профанацией идеалов и проектов.

ку решения всегда ситуативны.) Глядя из сегодняшнего дня, мы не думаем, что люди, занимающие должности министров и президентов, если такие должности сохранятся в будущих поколениях, будут заниматься методологией и проблематизацией. Вести всю эту сложную работу могли бы их помощники и эксперты, а от них самих хотелось бы только, чтобы они понимали смысл и значение обсуждаемых здесь материй.

Если предположить, как мы рассчитываем, что продвигаемая нами идея развития получит некоторое распространение, тогда на основе соответствующей идеологии может сформироваться особый тип политики: *политика развития*. Некоторые дополнительные соображения об этой фантазии [Рац 2010-в] могут пригодиться заинтересовавшимся идеей читателям. Однако чтобы представлять себе дистанцию, отделяющую наши идеалы и проекты от сегодняшней реальности, можно повторить, что при господствующей ныне политике, направленной на борьбу за власть (и именно так, т. е. вполне адекватно, осознаваемой), все это никому не нужно.

6.4. Что дальше?

Если подводить все же итоги сделанному (и, насколько удалось, сказанному) за пять лет в привычной форме «заключения и выводов», для нас они выглядели бы примерно так.

На протяжении всей своей истории люди жили, ориентируясь на те или иные идеалы. В Европе идеалы прошедшего золотого века сменились христианскими идеалами, в дополнение к ним пришли идеалы гуманизма, а затем «свободы, равенства и братства». Именно идеалы (в отличие от проектов) стимулировали важнейшие социальные преобразования в истории. При этом, однако, место идеалов в картине мира и, что еще важнее, способы работы с ними рефлексировались и анализировались недостаточно. Расплата наступила в XX веке, когда самим идеалам были приписаны чудовищные последствия их нерелексивного выбора (без должной критики и проблематизации) и работы с ними как с проектами. Идея была дискредитирована и в секулярном мире продолжает жить в непроблематизируемых формах «ценностного сообщества» (Европейского союза), открытого общества и научно-технического прогресса.

Как свидетельствует опыт, самой чудовищной ошибкой оказывается проектное представление заведомо недостижимых идеалов, неважно, религиозных или социально-политических, — с соответствующим способом реализации задуманного. Впрочем, в долгосрочной (точнее, исторической) перспективе еще хуже выпадение, пропуск мыслительной проработки предполагаемого движения, прямой переход к действиям, каковы бы они ни были. (В рамках наших представлений — это прямая редукция мыследеятельности за счет ее релексивно-мыслительной составляющей.)

В этом плане поучительны уроки истории России XX века. Наиболее масштабным уроком оказалось представление большевиками в качестве непосредственно реализуемого проекта марксова коммунистического идеала. Откуда и пошла почти буквально понимаемая метафора «строительства коммунизма», осуществлявшегося посредством «диктатуры пролетариата» соответствующими проектно-инженерными методами. С точки зрения развиваемых здесь представлений провал этого «эксперимента» был оплачен заранее, хотя никто не мог предвидеть масштабов сопровождавших его трагедий.

Немного лучше, хотя и не столь трагичным, был «переход к рынку» после распада СССР. С нашей точки зрения, мы наступили на те же грабли, что и в 1917 г.: не стали работать с идеалами, отказались от давно назревшей и перезревшей проблематизации сложившихся форм организации жизни в стране. В начале века это было самодержавие, в конце — марксов идеал и его проектная реализация, превратившая идеал в собственную противоположность. Вместо этого при распаде СССР в очередной раз попытались заимствовать сложившиеся на Западе, давно институализированные и уже чуть ли не окостеневшие там фор-

мы организации общежития. (Последнее наглядно выразилось в известной идее «конца истории».) Что, если не вдаваться в подробности, привело к известному продолжению, когда мы в третий раз за последние сто лет оказываемся перед тем же выбором: семь раз примерять или сразу резать по живому.

В этом мы видим главные уроки (а по сути, один урок — редукции мыследеятельности и отказа от работы с будущим) истории России XX века, наглядные в сравнении с историей западной «ревизионистской» социал-демократии, двигавшейся вперед методом проб и ошибок. Это, конечно, не программирование, но при наличии «постоянно действующей» политической оппозиции — не самый плохой способ действий. Однако в ситуации отсутствия идеалов в нашем понимании, как на Западе (или при манипулировании идеалами в классическом понимании, как в России), и он рискует завести в тупик.

Поэтому мы предлагаем восстановить в своих правах идеалы. И видим на этом пути несколько развилок, фиксация которых задает возможное направление мысли. Будем для определенности говорить о России, не забывая о руководящей идее ее выхода из колеи.

Первый выбор мы уже обозначили: заняться ли проработкой исторического будущего или по-прежнему сосредоточивать внимание на текущем моменте и перспективах 2024 г.? Разумеется, одно не исключает другого, но это принципиально разные позиции, переход между которыми очень непрост. Поэтому для краткости и ясности мы поначалу говорим не о пропорциях, а о дилемме. Мы за то, чтобы отдать приоритет работе с будущим. Вспоминая вынесенные в эпиграф слова Столыпина, скажем так: не имея идеала на двести лет вперед, нельзя выстроить осмысленную программу действий и на ближайшие годы.

Занимая свое место в рядах сторонников работы с будущим, мы ориентируемся на левый сдвиг, предварительную проработку и проблематизацию возможных решений. И соответственно получаем оппонентов, считающих проблемами только трудности в реализации тех или иных *действий* и уверенных в том, что решать проблемы надо по мере их поступления. Впрочем, аргументы могут быть разными, а нас пока интересует только выбор позиции.

Но и среди сторонников работы с будущим никакого единства не предвидится. Ибо никто не обязан соглашаться с нашим противопоставлением идеалов и проектов, проблем и задач, программирования и проектирования. Наверняка найдется масса людей, которые скажут, что все это ненужная философия, и достаточно, например, исходить из идеи общего блага для граждан России и/или из того, чтобы Россия стала великой державой. Не будем повторять каждый раз, что аргументы могут быть разными: запоем это до конца перечисления развилок.

Занимая свое место среди «идеалистов», мы и здесь столкнемся с поляризацией позиций. Идеалы идеалам рознь, а общее благо — всего лишь функциональное место, которое каждый заполняет по-своему. Патриоты могут разойтись с демократами, а сторонники научно-технического прогресса — с «гуманистами», апологетами ценности и автономии человеческой личности, и т. д., и т. п.

Наконец, собрав команду сторонников проблематичного развития, мы наверняка получим оппонентов, предпочитающих более осязаемые ценности вроде социальной справедливости, качества жизни, ВВП на душу населения и т. п. Для них именно такого рода ценности составляют содержание развития. Им глубоко чужда мысль, что социальные блага в конечном счете оказываются результатами (развития) мышления и деятельности.

Понятно, что предлагаемый набор развилок — не более чем фрагмент их длинного, практически бесконечного перечня, а так же способ задать направление (и, что нам важнее, — *пространство*) мысли. При этом речь шла пока только о ценностной ориентации, а сходясь по ценностям, политические позиции будут расходиться по принимаемым нормам, текущим целям и предпочтительным средствам их достижения. Обращает на себя внимание и то обстоятельство, что реальные политические позиции связаны преимущественно с последними пунктами нашего перечня. Первые вообще не обсуждаются.

Сюда мы и целимся, в этом смысл того дополнения к повестке дня, о котором мы говорили вначале. Очередные выборы, санкции, отношения с Западом или Востоком — это все важные вещи, но принимая по этому поводу те или иные решения, пора бы задуматься об их основаниях. А вопрос об основаниях на любом из обозначенных уровней переносит нас на вышележащие: пространство мысли (и выбора) расширяется, появляются решения старых проблем, но возникают новые.

Разумеется, все это не предмет обсуждения с действующими политиками, а равно и с подавляющим числом наших сограждан. Но это предмет обсуждения, конституирующий интеллигенцию, более или менее планомерно уничтожаемую и уничижаемую у нас в стране уже сто лет. А «для того, чтобы Россия могла занять свое место в мире, нужно восстановить интеллигенцию в России» [Щедровицкий 2001: 301]. Это не новость: Г.П. Федотов еще в 1930-е годы писал о воссоздании уничтоженной революцией элиты как о первоочередной задаче будущей свободной России [Федотов 1992: 211]. Если угодно, речь идет все о том же дополитическом (рамочном) сообществе В. Гавела. Мы можем проинтерпретировать эту мысль по-своему и предложить свою версию видения предстоящего нам пути.

В нашей интерпретации речь идет о выращивании, укоренении и поддержании коллективной мыследеятельности. В первую очередь посредством коммуникации, лежащей в основе любых *сообществ*, потенциально способных быть субъектами развития: о них мы уже говорили (пункт 6.3.1). Сообществ у нас почти нет, а без них разговоры о развитии так и останутся разговорами. Перспективы их выращивания концентрируются в сферах образования и клуба, а возрождение интеллигенции как живого носителя коллективной мыследеятельности — социально-антропологическая сторона этого процесса.

К такому заключительному тезису нужны два примечания. Первое. Существует очень выразительная, на наш взгляд, подборка суждений ряда уважаемых профессионалов — от медиков до литературоведов и от историков до экономистов — сетующих на отсутствие в России профессиональных сообществ [ссылки см. по адресу: Флиер 2012]. Подборка родилась в коммуникации чисто ситуативно, а эта тема заслуживает специальной проработки. Кстати, живым, но редким у нас исключением из этой ситуации служит клуб «Интеллектуальный Ростов» [Интеллектуальный Ростов... 2014]. Второе. По идее, быть субъектами развития коммуникации (в указанном ранее значении — п. 6.3.1) и коммуникативных сообществ призваны выходцы из Московского методологического кружка. По крайней мере, те из нас, кто принимает для себя рамки развития и права. И, конечно — мы не устаем повторять, — в конкуренции с представителями других традиций и носителями других представлений. Но пока это всего лишь призыв к нашим коллегам.

Аврелий Августин. 1991. *Исповедь блаженного Августина, епископа Гиппонийского*. — М.: RENAISSANCE. — 488 с.

Андрейченко Н.Ф., Реус А.Г. 2017. *Апология идеологии, или Антидогматика. Про игры общества и власти с ненулевой суммой*. — Независимая газета, НГ-Сценарии. — 24.10. — Доступно: http://www.ng.ru/stsenarii/2017-10-24/11_7101_apologia.html. — Проверено: 26.10.2018.

Арендт Х. 2000. *Vita activa, или о деятельной жизни*. — СПб.: Алетейя. — 437 с.

Арендт Х. 2011. *О революции*. — М.: Европа. — 464 с.

Арендт Х. 2014. *О насилии*. — М.: Новое издательство. — 148 с.

Архангельский А. 2018. *Война без мира. Какого Толстого чествуют сегодня в России*. — Доступно: https://republic.ru/posts/92027?utm_source=republic.ru&utm_medium=email&utm_campaign=morning. — Проверено: 26.10.2018.

- Бахтин М.М. 2003. *К философии поступка*. — *Собрание сочинений* в 7-ми тт. Т. 1. Философская эстетика 1920-х годов. — М.: Русские словари. — 957 с.
- Беляев В.А. 2015. Проект «мыследеятельно-ориентированного» общества и реализационная диалектика модерна. — *Политическая концептология: журнал междисциплинарных исследований*. — № 4. — С. 54–68. — Доступно: <http://politconcept.sfedu.ru/2015.4/04.pdf>. — Проверено: 26.10.2018.
- Берлин И. 2002. *Подлинная цель познания*. — М.: Канон+. — 800 с.
- Ваганов А. 2011. Технологии в идеологической западне. Интервью с Л.Грэхэмом. — *НГ-Наука*. — 12-28. — Доступно: http://www.ng.ru/science/2011-12-28/9_ideologia.html. — Проверено: 26.10.2018.
- Воловик В.В., Щедровицкий П.Г. 2018. Конструктивное мышление: неучтённый фактор развития. — *Вопросы философии*. — № 9. — С. 46–56.
- Вышеславцев Б.П. 1994. *Этика преображенного эроса*. — М.: Республика. — 368 с. — Доступно: <https://predanie.ru/vysheslavcev-boris-petrovich/book/73826-etika-preobrazhennogo-erosa/#/toc65>. — 26.10.2018.
- Гавел В. 1991. *Сила бессильных*. — Минск: Творч.-произв. центр «Полифакт». — 126, [1] с. — Доступно: <http://old.inliberty.ru/library/181-sila-bessilnyh>. — Проверено: 26.10.2018.
- Зиновьев А.А. 2002. *Восхождение от абстрактного к конкретному (на материале «Капитала» К. Маркса)*. — М.: Российская Академия Наук, Институт философии. — 324 с.
- Лекторский В.А. (Ред.). 1996. *Идеал, утопия и критическая рефлексия*. — М.: РОССПЭН. — 302 с. — Доступно: <http://klex.ru/gsl>. — Проверено: 26.10.2018.
- Интеллектуальный Ростов... 2014. *Интеллектуальный Ростов: книга дискуссий: монография*. — Ростов-на-Дону: Издательство ЮФУ. — 696 с. — Доступно: <http://polittheory.na.gov.ru/Makarenko/Rostov.pdf>. — Проверено: 26.10.2018.
- Йонас Г. 2004. *Принцип ответственности*. — М.: Айрис-пресс. — 480 с.
- Кант И. *К вечному миру*. — Доступно: https://www.civisbook.ru/files/File/Kant_K_vechnomu_miru.pdf. — Проверено: 26.10.2018.
- Клямкин И.М. 2011. *Взлет и падение советской интеллигенции*. — Доступно: <http://polit.ru/country/2011/04/13/klyamkin.html>. — Проверено: 26.10.2018.
- Кортунов С.В. 2007. *Концептуальные основы национальной и международной безопасности. Учебно-методическое пособие*. — М.: Высшая Школа Экономики. — 308 с.
- Малахов А. 2017. «Come on!» — Юбилейный доклад Римского клуба. 2017. — Доступно: <http://malakhov.link/come-on-report>. — Проверено: 26.09.2018.
- Норт Д., Уоллис Д., Вайнгаст Б. 2011. *Насилие и социальные порядки*. — М.: Изд. Института Гайдара. — 480 с.
- Панеях Э. 2018. *Битва за норму. Между обществом и государством*. — Интернет-портал INLIBERTY. — Доступно: <https://www.inliberty.ru/article/liberty-panyakh/>. — Проверено: 26.09.2018.
- Преобразование... 2015. Преобразование нашего мира: Повестка дня в области устойчивого развития на период до 2030 год. — *Резолюция, принятая ГА ООН 25 сентября 2015 года*. — Доступно: http://unctad.org/meetings/en/SessionalDocuments/ares70d1_ru.pdf. — Проверено: 26.10.2018.
- Раппопорт А.Г. 1975. Проектирование без прототипов. — *Разработка и внедрение автоматических систем в проектировании (теория и методология)*. — М.: Стройиздат.
- Рац М.В. 1994. Политика развития для России: версия концепции. — *Сегодня*. — 27 августа.
- Рац М.В. 2010-а. Политика и управление. — *Полис. Политические исследования*. — № 3. — С. 132–143.

Рац М.В. 2010-б. К типологии политики. — *Сетевой портал журнала «Полис»*. — Доступно: http://www.polisportal.ru/files/File/puvlication/New_electr/Ratz_2010_K_tipologii_politiki.pdf. — Проверено: 26.10.2018.

Рац М.В. 2010-в. *Политика развития*. Сетевой портал журнала «Полис». — Доступно: http://www.polisportal.ru/files/File/puvlication/New_electr/Ratz_2010_Politika_razvitiya.pdf. — Проверено: 26.10.2018.

Рац М.В. 2010-г. «Искусственное» и «естественное». — *Философия России второй половины XX века. Г.П. Щедровицкий*. — М.: РОССПЭН. — С. 319–358.

Рац М.В., Копылов Г.Г., Слепцов Б.Г. 1994. Новый взгляд на безопасность. — *Сегодня*. — 22 января.

Рац М.В., Копылов Г.Г., Слепцов Б.Г. 1995. *Концепция обеспечения безопасности*. — М.: «Касталь». — 84 с.

Рац М.В., Котельников С.И. 2014. Власть или управление? — *Политическая концептология: журнал метадисциплинарных исследований*. — № 1. — С. 156–209. — Доступно: <http://politconcept.sfedu.ru/2014.1/11.pdf>. — Проверено: 26.10.2018.

Рац М.В., Котельников С.И. 2015-а. Власть или управление? Власть и ее типы. — *Политическая концептология: журнал метадисциплинарных исследований*. — № 3. — С. 29–68. — Доступно: <http://politconcept.sfedu.ru/2015.3/03.pdf>. — Проверено: 26.10.2018.

Рац М.В., Котельников С.И. 2015-б. Ответ на критику. — *Политическая концептология: журнал метадисциплинарных исследований*. — № 4. — С. 69–81. — Доступно: <http://politconcept.sfedu.ru/2015.4/05.pdf>. — Проверено: 23.09.2018.

Рац М.В., Котельников С.И., Слепцов Б.Г. 2016-а. Власть или управление? Заметки на полях всеобщей и русской истории. — *Политическая концептология: журнал метадисциплинарных исследований*. — № 3. — С. 24–57. — Доступно: <http://politconcept.sfedu.ru/2016.3/02.pdf>. — Проверено: 26.10.2018.

Рац М.В., Котельников С.И., Слепцов Б.Г. 2016-б. Власть или управление? Заметки на полях всеобщей и русской истории. Окончание. — *Политическая концептология: журнал метадисциплинарных исследований*. — № 4, 2016. — С. 27–77. — Доступно: <http://politconcept.sfedu.ru/2016.4/03.pdf>. — Проверено: 26.10.2018.

Рац М.В., Котельников С.И., Слепцов Б.Г. 2016-в. Интересы науки смещаются с природы на человека и общество. — *Независимая газета, НГ-Наука*. — 14 декабря. — Доступно: http://www.ng.ru/nauka/2016-12-14/9_6884_science.html. — Проверено: 26.10.2018.

Рац М.В., Котельников С.И., Слепцов Б.Г. 2017. Власть или управление? Концепция проекта. — *Политическая концептология: журнал метадисциплинарных исследований*. — № 4. — С. 50–94. — Доступно: <http://politconcept.sfedu.ru/2017.4/03.pdf>. — Проверено: 26.10.2018.

Рост Ю. 2014. Большая ложь, война и папа с мамой. — *Новая газета*. — № 105, 19 сентября. — Доступно: <https://www.novayagazeta.ru/articles/2014/09/18/61223-bolshaya-lozhvoyna-i-papa-s-mamou>. — Проверено: 28.10.2018.

Серл Дж. 2002. Политика и гуманитарное образование. — *Отечественные записки*. — № 1. — Доступно: <http://magazines.russ.ru/oz/2002/1/se.html>. — Проверено: 26.10.2018.

Словарь... 2016. *Словарь основных исторических понятий: Избранные статьи в 2-х т.* — М.: Новое литературное обозрение.

Соловьев В. *Идеал*. — Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона, полутом 24. — СПб. — Доступно: <https://ru.wikisource.org/wiki/ЭСБЕ/Идеал>. — Проверено: 26.10.2018.

Степин В.С. 2001. Научная картина мира. — *Новая философская энциклопедия*, т. 3. — М.: Мысль.

Токвиль А. 1992. *Демократия в Америке*. — М.: Прогресс. — 554 с.

Травин Д. 2018. *Политический хаос. Уроки воскресного митинга*. — Доступно: https://republic.ru/posts/92057?utm_source=republic.ru&utm_medium=email&utm_campaign=morning. — Проверено: 26.10.2018.

Федотов Г.П. 1992. Создание элиты (Письма о русской культуре). — *Судьба и грехи России*, т. 2. — СПб.: «София». — 352 с.

Фёдоров И.А. 2006. *Парадигмы социальной философии преобразования*. — СПб.: Изд. дом «Мирь». — 392 с.

Флиер А.Я. 2012. Флиер А.Я. К разработке Культурологической хартии (дискуссия). — *Сетевое сообщество «Российская культурология»*. — Доступно: <http://culturalnet.ru/f/viewtopic.php?id=988&action=all>. — Проверено: 26.10.2018.

Фуко М. 2011. *Безопасность, территория, население: курс лекций, прочитанных в Коллеж де Франс в 1977/78 учебном году*. — СПб.: Наука. — 544 с.

Хейвуд Э. 2005. *Политология*. — М.: Юнити. — 544 с.

Шапиро Й. 2012. О не-господстве. — *Логос*. — № 4. — С. 3–35. — Доступно: <http://www.logosjournal.ru/arch/24/logos-24.pdf>. — Проверено: 26.10.2018.

Школа... 2017. *Школа Щедровицкого и ее наследие. Часть 1*. — Доступно: <http://polit.ru/article/2017/03/31/methodology/>. — Проверено: 26.10.2018.

Щедровицкий Г.П. 1987. Схема мыследеятельности — системно-структурное строение, смысл и содержание. — *Системные исследования. Методологические проблемы. Ежегодник 1986*. — М.: Наука. — С. 281–298.

Щедровицкий Г.П. 1995. *Избранные труды*. — М.: Школа культурной политики. — 800 с. — Доступно: http://web.krao.kg/12_filosofia/0_pdf/17.pdf. — Проверено: 26.10.2018.

Щедровицкий Г.П. 1999. *Программирование научных исследований и разработок*. — М.: Путь. — 288 с.

Щедровицкий Г.П. 2000. *Оргуправленческое мышление: идеология, методология, технология*. — М.: Путь. — 384 с. — Доступно: <http://www.fondgp.ru/lib/chteniya/xvi/text/management/0/ORU-1.doc>. — Проверено: 26.09.2018.

Щедровицкий Г.П. 2001. *Я всегда был идеалистом*. — М.: Путь. — 368 с.

Щедровицкий Г.П. 2003. *Методология и философия оргуправленческой деятельности (основные понятия и принципы)*. — М.: Путь. — 288 с. — Доступно: <http://www.alshar.ru/images/oru2.doc>. — Проверено: 26.09.2018.

Щедровицкий П.Г. 2018. *Три индустриализации России*. — СПб.: Terra Fantastica.

Weizsaecker E. von, Wijkman A. 2018. *Come On! Capitalism, Short-termism, Population and the Destruction of the Planet. A Report to the Club of Rome*. — New York: Springer. — 220 S.